

ДЕЙСТВИЯ ВЛЕКУТ ЗА СОБОЮ

Последствия

Сокол Зоя

16+

Зоя Константиновна Сокол

Последствия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44004068

SelfPub; 2019

Аннотация

Алису и её малютку-дочь убили. Жестоко, вероломно, несправедливо. И это преступление останется безнаказанным. Всё, чего Алиса хотела перед смертью – получить шанс на справедливое отмщение. И кто-то там сверху услышал её, дав в руки всё, что нужно для мести. Но какой будет цена?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	18
ГЛАВА 2	29
ГЛАВА 3	46
ГЛАВА 4	62
ГЛАВА 5	86
ГЛАВА 6	100
ГЛАВА 7	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

ПРОЛОГ

Комната быстро заполнялась дымом. Нужно спешить. Прижимая руку к левому боку, словно так можно облегчить боль, Алиса встала с кровати.

На несколько долгих, как жизнь мгновений, в глазах потемнело, и тело пронзила острая боль. Стиснув зубы, чтобы не застонать, она собрала остатки сил, и как только пик прошел, медленно, неуверенно побрела вперед, придерживаясь за стену.

Сегодня утром, когда Алиса переходила улицу возле банка, черный седан выскочил из-за угла и на большой скорости врезался в неё. Прохожие собрались вокруг и начали вызывать скорую. Но Владлен Богучев – доверенное лицо и адвокат Михаила – быстро положил её в авто и отвез домой. При этом мужчина не церемонился, причиняя столько боли, что она потеряла сознание.

Она пришла в себя уже в спальне собственного дома, и тут же зашлась в кашле от дыма. Алиса чувствовала себя так, словно... словно по ней проехала машина! Как по-другому описать то чувство, когда болит каждая косточка и мышца? Даже дыхание давалось с трудом. Вдохи были короткими и болезненными не только из-за едкого черного с серыми, похожими на тучу, клубами дыма, и горячего воздуха, стремительно заполнившего просторную комнату. Резкая боль в

ребрах вызывала желание просто упасть на пол и не двигаться. Но Алиса даже радовалась боли, как старой знакомой, цеплялась за неё, чтобы вернуть ясность уму и мысли.

Медленно, но упрямо двигаясь к выходу из комнаты, Алиса случайно зацепилась взглядом за фотографию на столике. Они с мужем на залитом солнцем лазурном пляже. Это был первый совместный отдых и именно там Сережа сделал предложение.

В те дни Алиса купалась в море, солнце и счастье.

Отношения развивались как в хорошем любовном романе, одном из тех, которыми она так зачитывалась в юности. Роскошный закат, щедро подаренный Французской Ривьерой, и до безумия любимый мужчина на одном колене с колечком в руках говорит: «Я люблю тебя больше жизни! Выходи за меня замуж!». Что можно сказать в ответ? Правильно, ничего. В ответ можно только неприлично громко визжать от счастья, визжать так, чтобы с космической станции без усилителей услышали.

Боль волнами распространялась по телу и просто сводила с ума. От дыма слезились глаза и в горле немилосердно скреблись кошки, вызывая желание раскашляться. Горячий воздух обжигал нос, горло, легкие. Но Алиса, уцепившись за воспоминания о том счастье, брела вперед. Злость придавала сил, помогая переставлять ноги. Злость, ненависть и материнская тревога. В соседней спальне в колыбельке спала Ника. Если Алиса не вынесет дочь из этого ада, то грома-

дина в старо-колониальном стиле, купленная всего несколько месяцев назад, станет их общей могилой. После того, как жизнь развалилась, друзья отвернулись и не стало мужа, семимесячная Вероника осталась единственным лучиком света, единственной радостью. Всем, ради чего только можно цепляться за жизнь.

Алиса постаралась ускориться, подбадривая себя мыслями о спасении дочери. В голове зрел план действий: вынести ребенка, отдышаться и бежать к соседям, пусть вызовут скорую и пожарных, окажут помощь. А поправившись, можно начинать мстить. За то, что лишена семейного счастья, за то, сколько боли и горя пришлось перенести, за украденное будущее.

Почему все это случилось с нею? Разве Алиса плохой человек? Разве так много хотела? Дом, семья, любимый человек, с которым можно разделить жизнь... Все этого желают. Так почему наказали именно её?

За дверью раздался опасный треск. Кажется, Алиса поняла, что случится ещё до того, как в последний раз истошно закрипев, дверь под напором огня развалилась, и обжигающее кожу и лёгкие пламя ворвалось в комнату. Запах жареного мяса стал последним, что Алиса запомнила.

Мерное тиканье работающего прибора жизнеобеспечения и монитора, на котором отражался ничем не нарушающийся ритм работы сердца – единственные звуки, нарушающие

тишину в палате.

Даниил знал, что этот момент наступит, готовился, и все равно оказался застигнут врасплох. Продумал красивую прощальную речь, но стоя здесь, возле любимой жены... Нет! Возле тела, которое, когда-то служиломестилищем её духа, забыл все, что хотел сказать. Пришло время говорить слова прощания, но в голове то и дело появлялись воспоминания о лучших моментах, проведенных вместе. Их немного – отдых на яхте, медовый месяц на Мальдивах и уик-энд в Монте-Карло. Даниил мог дословно рассказать куда ходили, о чем говорили, чем занимались и даже как при этом вокруг пахло.

И плевать, что она никогда его не любила. Он знал, на что соглашался.

Брак изначально был сделкой: Анаит Андрианова принесла ему связи своей семьи и помогла открыть двери, которые раньше были закрыты; он дал богатство и возможность вести привычный образ жизни и вытащил её семью из долгов.

И все-таки первое время они пытались играть в счастливую влюбленную пару. От того, получится ли убедить окружающих в искренности чувств и подлинности брака, зависел успех всего предприятия. Даниила должны были принять за своего. Если бы стало известно о фиктивности брака, то на любых попытках вести бизнес в Малавии и половине Европы, можно было ставить крест.

Стараясь как можно достовернее изобразить любовь, Да-

нии не заметил, что перестал играть. В какой-то момент он понял, что и правда, влюбился. А Анаит...

Вряд ли эта красotka способна любить кого-то кроме себя и своих пороков.

Была.

Даниил все не мог заставить себя думать о ней в прошедшем времени, как советовал психолог. Для него жена оставалась живой, реальной. Достаточно протянуть руку и коснуться несмотря ни на что нежной теплой кожи, чтобы убедиться в этом. Поэтому смириться и отпустить не получалось. И пусть она, наверное, никогда не ответила бы взаимностью. Но Анаит делала вид, что любит, и Даниил мог этим удовлетвориться. По крайней мере, в тот момент.

Два года назад не стало даже этого спасительного самообмана.

Его пьяная жена на большой скорости врезалась в машину, едущую по встречной. Водитель погиб на месте, а её смогли доставить в больницу. Сейчас Даниил думал, что лучше бы она погибла там же. Это было бы милосерднее. Для неё, для него...

Два года он боролся за то, чтобы вернуть Анаит к жизни. Два года надежд и разочарований, два года экспериментальных методик лечения и новейших лекарств, два года бесконечных операций, молитв и проклятий... И все для того, чтобы сегодня систему жизнеобеспечения отключили.

Нужно что-то сказать на прощание.

Но слов попросту не осталось. Даниил чувствовал опустошение. Не горе от утраты, не боль потери – все это он уже пережил и не один раз за прошедшие два года. Все слова сказаны, все слезы пролиты. Один за другим ушли гнев и надежда. Осталось лишь опустошение.

Повернувшись, он коротко кивнул врачам, чтобы начинали.

Яблочков – лечащий врач, наблюдавший Анаит последние два года – в торжественно мрачной обстановке начал щелкать переключателями, отключая систему. И в этот момент монитор, отражающий неизменно ровный ритм сердцебиения, словно сошел с ума. Сердечный ритм стал рваным и опасно ускорился. Мозговая деятельность необычно активизировалась. Тело, неподвижно лежащее на столе последние два года, задергалось в беспорядочных конвульсиях.

– Держите её! – крикнул Яблочков, и первым подал пример, бросившись всем телом на ноги. Из медперсонала в палате находилась только медсестра, тут же схватившая руки, бьющейся в припадке пациентки. Чтобы удержать тело от повреждений, рук не хватало, поэтому Яблочков приказал Даниилу:

– Смените меня!

Даниил так и остался, оторопело стоять. Происходящее все никак не укладывалось в голове. Мозг просто не мог осознать то, что видели глаза.

– Немедленно! – рыкнул врач, и в этот раз Даниил подчи-

нился, хотя тело действовало будто само по себе: он не ощущал рук, которыми держал жену за ноги, не чувствовал силу, с которой их сжимал, пока медсестра не сказала:

– Легче! Вы же так их ломаете!

Даниил послушно ослабил хватку, не сводя взгляда с врача, придерживающего грудь и голову Анаит. Наконец, конвульсии прекратились, и врач напряженно сказал:

– Можно отпускать.

Первой послушалась медсестра, Даниил по инерции повторил за нею. Ведомый смутным, едва ощутимым инстинктом, он подошел к изголовью кровати. Доктор отвлекся, давая указания медсестре, поэтому Даниил стал первым, кто увидел, как случилось то, во что никто уже не верил, то, чего не могло произойти ни по каким прогнозам.

Анаит открыла глаза.

Алиса помнила боль в переломанных ребрах и в разбитом, растоптанном, уничтоженном сердце; едкий дым и запах жареного мяса. Помнила отчаянное желание спасти дочь. А ещё желание жить и мстить.

Затем мир погрузился во тьму.

В этой тьме не ощущалось ничего: ни ход времени, ни голод, ни жажда. Ещё неделю назад жизнь заполняли важные проблемы: деньги, памперсы и детское питание, неподстриженные волосы и неоплаченные счета, пустой холодильник и закончившийся стиральный порошок.

И где все это сейчас? Где старший брат, неделю назад державший Нику на руках, целуя в лобик? Алиса как наяву слышала уверенный голос Михаила, убеждающий:

– Все будет хорошо.

Где друзья отца, приходившие в их дом столько, сколько Алиса себя помнила? Они сидели за обеденным столом, смеялись, шутили, обсуждали дела или болтали о спорте. И всегда клялись в том, что дети Артура – это и их дети, и они будут заботиться о них, как о своих родных. Их четверо, и каждого Алиса хорошо знала, как брата или отца: Герман Ванин, Иван Рыжов, Олег Корчиков и Николай Погодин.

С Германом Ваниным отец учился на юридическом. Правда, в отличие от Ванина, он так и не закончил учебу. Но их дружба, которая началась тогда, прочной нитью тянулась сквозь всю жизнь. По крайней мере, так думал отец. Особенно, когда сначала взял Ванина на работу в свою фирму, а потом сделал одним из партнеров.

Когда пришлось оставить учебу, перед молодым тогда Артуром Ухаровым стал выбор: либо возвращаться в родной городок Орутан в Есnezской провинции, либо искать работу и пытаться всеми правдами и неправдами удержаться в Раунгане. После долгих раздумий выбор пал на второй вариант. Все-таки Раунган огромный город. Не зря его называют второй столицей Малавии.

Частенько, напившись, отец рассказывал им с братом, как в первое время приходилось работать то грузчиком, то раз-

норабочим на стройке. Нередко приходилось приворовывать и приторговывать запрещенными веществами. Точнее, все эти истории рассказывались для Михаила, а Алиса просто присутствовала. На неё никто никогда не обращал внимание. Как на мебель или телевизор в углу. Отец воспитывал первенца, наследника империи, построенной потом и кровью. А Алиса... дочь – это просто ресурс, которым в будущем можно будет выгодно распорядиться. Так же к ней относился и брат. Да и воспитанием дочери занималась мама.

Как бы там ни было, но отцу удалось скопить первоначальный капитал и открыть небольшой ларек с закусками. Где один, там и второй. Затем третий, четвертый. Они приносили стабильный и довольно высокий доход. Уже позже Алиса задумывалась над тем, что доход был слишком высоким, как для такого маленького бизнеса. Но тогда ей и в голову не приходило задавать такие вопросы.

В какой-то момент отец почувствовал, что дорос до чего-то большего и открыл первый ресторанчик быстрого питания «Семейный». Название не случайное, ведь к тому моменту у него самого появилась семья – первая жена Александра бывшая на сносях. Алиса мало что знала про ту женщину, ведь её имя чем-то вроде имени Волан де Морта в их доме – имя, которое нельзя произносить. Из обрывков, брошенных разными людьми фраз, получилось составить более или менее достоверную картину того, что произошло: папа очень любил жену, но, когда стал выбор между бизнесом и

браком, выбрал бизнес. И они расстались. Алисе всегда казалось, что он так и не пережил до конца болезненное расставание.

В пять лет в стельку пьяный отец рассказал, что на самом деле тогда произошло. Но наутро даже и не вспомнил, что проболтался. А Алиса была слишком мала, чтобы понять весь ужас произошедшего с той бедной женщиной. Но достаточно взрослая, чтобы ничего не забыть. Так бывает: какое-то событие, фраза, запах намертво врезаются в память, и никакое время не способно стереть их оттуда.

Годы напролет приходилось молчать, защищая Михаила от жуткой правды. Оказалось, зря. Брат все знал. И будучи взрослым, сказал Алисе, что окажись на месте отца, поступил бы точно так.

Когда Михаилу исполнилось пять, отец снова женился, но на этот раз на женщине из богатой семьи – Анастасии Павловной Батрудиновой. Маме Алисы. Брак заключили по договоренности, ведь между супругами не было даже намека на любовь. Они относились друг к другу как два равноправных партнера, с уважением и пониманием, но не более того. У каждого имелись по отношению к супругу определенные обязанности, которые безукоризненно выполнялись. Вот и вся семья.

К тому моменту у отца под управлением оказалась целая сеть ресторанчиков быстрого питания неравномерно разбросанных по Малавию, и он искал пути расширения.

Павел Батрудинов – дедушка Алисы – когда-то эмигрировал в Малавию из России, и построил впечатляющую политическую карьеру. Он и познакомил Артура Ухарова – отца Алисы – с другим своим зятем Иваном Рыжовым. Этот гражданин России владел одной из крупнейших сетей игорных домов и по совпадению тоже искал надежного делового партнера для продвижения на рынок Малавии.

На этом поприще будущие партнёры и сошлись.

Объединив усилия и капиталы, они открыли в столице первое казино – «Казино Резидент». Заведение быстро превратилось в одно из самых популярных в Мадине. Затем открыли филиал в Раунгане, и понеслась. Алиса помнила, свои двенадцать лет и грандиозный праздник устроенный в честь открытия первого казино в Монте-Карло. В концерте приняли участие звезды местной эстрады и приглашенные из-за границы. Гвоздем программы стала Кристина Агиллера. Помимо концертных номеров выступали артисты цирка Дю Солей (бог знает во сколько обошелся их приезд!) и невероятный фейерверк.

Отец Алисы все время придумывал бизнес-идеи, которые почти всегда срабатывали. Но ему не хватало усидчивости и терпения, чтобы очень долго заниматься начатыми проектами. Поэтому приходилось находить партнеров, на которых перекладывалась вся рутинная работа, после того, как новое дело раскручивалось. Как, например, случилось с заводом, изготавливающим мелкую бытовую технику.

Никто не понимал, зачем отец приобрел отсталое производство, едва справляющееся с изготовлением средней паршивости утюгов и чайников. Но если Артур Ухаров видел в чем-то потенциал, то шел до конца. Вложив в почти убыточное предприятие большую часть своих активов, он модернизировал производство, нанял команду пиарщиков, вложился в маркетинг и добавил несколько дополнительных линий производства техники. С конвейера теперь сходили пылесосы, кухонные комбайны и фритюрницы. Приложенные усилия не пропали даром – завод начал приносить прибыль уже через два года. Но деньги закончились раньше, примерно через год. И пришлось привлечь инвестора – Олега Корчикова.

Совместная работа не превратилась в сухое деловое сотрудничество. Они часто вместе выпивали, их сыновья – Валентин и Михаил – стали друзьями просто не разлей вода. Так что это можно даже считать почти семейным предприятием.

Иногда выгодные бизнес-идеи сами находили Артура Ухарова. Так случилось с Николаем Погодиным. Он пришел к отцу с идеей открыть сеть гостиничных комплексов в местах, где пролегали туристические маршруты и там, где потенциально можно привлечь большое количество путешественников и туристов. Идея не просто понравилась отцу, а разожгла азарт, подобный охотничьему, с которым Артур Ухаров взялся за воплощение амбициозного замысла в жизнь: нашел часть подходящих объектов, инвесторов и переманил к себе

профессионалов из гостиничного бизнеса. Николай помогал отцу всем, чем мог, постоянно находился рядом и всеми силами изображал компетентного специалиста. И в итоге стал младшим партнером отца.

Погодина она ненавидела больше других.

Пустота убаюкивала, нашептывала желание все отпустить, забыть, обрести покой. И Алиса почти все смогла отпустить: боль, печаль, сожаления. Постепенно забывались радость, любовь и счастье. Единственное желание, которое так и не ушло, как бы пустота не старалась его отнять – желание отомстить, добраться до глотки ублюдка, словившего её жизнь, виновного в смерти Ники.

Он отнял у неё все!

Разве это справедливо? Разве правильно, что ему все сойдет с рук?

Никто, кроме Алисы не сможет указать на убийцу пальцем. В живых не осталось никого способного рассказать о страшном преступлении, о предательстве, о коварстве, сгубившем две невинные души. Как бы она хотела растерзать мерзавца на мелкие части, забрать все самое дорогое, заставить страдать! Гнев, жажда мести поднимались в ней огромную волну, заставляя вспоминать и остальные чувства. И в какой-то момент эта волна вынесла её на берег.

Алиса открыла глаза и увидела свет. Трудно было что-то рассмотреть, кроме плывущих фигур, звуки доносились будто сквозь вату. И все же на мгновение сфокусировав зрение,

она смогла рассмотреть лицо красивого незнакомца, склонившегося над нею, и расслышать его слова:

– С возвращением, любовь моя. Я так скучал по тебе, Анаит!

ГЛАВА 1

Алиса несколько раз приходила в себя и снова теряла сознание. Не погружалась во тьму, как перед этим, а именно теряла сознание.

С каждым новым пробуждением оставаться при памяти удавалось дольше. Иногда палата пустовала, иногда слышались голоса. Но чаще рядом находился неизвестный мужчина, постоянно что-то говоривший. Не все получалось разобрать, ведь иногда звуки слышались точно из-под воды. Разборчивая часть сводилась к одному и тому же: никто уже не надеялся, что она очнется, но он не прекращал верить и любить. Теперь в их жизни все будет по-другому.

Ещё одна странная деталь – незнакомец обращался к ней Анаит.

Находясь в полудреме, между бодрствованием и очередным провалом в беспомысленность, Алиса не могла понять, что это за титул и при чем здесь она, кто этот мужчина и что ему нужно. Они абсолютно точно не встречались прежде, и он не врач. Лечащим доктором – по крайней мере, так мужчина представлялся каждый раз, когда оказывался в поле зрения Алисы – был коренастый мужчина лет пятидесяти с волосами, посеребренными временем и стрижкой ежиком. У него имелась раздражающая привычка много говорить: «Как тут наша пациентка?», «Я сгибаю вашу руку в локте», «Скоро

вы будете бегать» и так дальше.

И доктор, чье имя Алиса никак не могла запомнить, и незнакомец, все время находившийся рядом, ни слова не сказали о Нике. Где её дочь? Она тоже выжила в пожаре? Тогда, скорее всего, Ника сейчас на лечении. Дым мог сильно навредить ребенку. Не говоря уже об огне.

А может она не выжила и Алисе не говорят правду, стараясь побереечь психику от очередного потрясения?

Наверное, в глубине души, Алиса понимала, что семимесячный ребенок не мог пережить пожар. Она едва научилась переворачиваться на животик и сидеть. Как бы такая кроха самостоятельно выбралась из кровати? Но пока никто не произнес вслух горькую правду, можно позволить себе такую роскошь, как надежда.

Иногда Алиса приходила в себя от того, что кто-то её обмывал (чувствуя себя при этом крайне униженно) или сгибал-разгибал руки в локтях, в пальцах, крутил запястье и повторял те же процедуры с ногами. Ощущая каждую манипуляцию с телом, но не имея сил выполнять все действия самостоятельно, Алисе хотелось кричать, рыдать, требовать, чтобы все оставили её в покое. Однако, не получалось не то, что накричать, даже посмотреть на тех, кто этим занимался. Находясь в сознании, она могла смотреть только в одну точку и то не долго.

Как это вообще возможно? Уставать от того, что смотришь в одну точку?

Доктора не удивляла её абсолютная беспомощность. В те немногие минуты, что Алиса не спала, он проводил тесты: то перышком пощекочет, то иголкой стопу уколёт. И каждый раз внимательно следил за реакцией. От перышка становилось щекотно, но у неё буквально язык не поворачивался, чтобы об этом сказать и не было сил как-то отреагировать. А вот от уколов нога непроизвольно дергалась.

– Отлично! – радовался доктор, как ребенок конфетке.

Пошло какое-то время и Алиса начала оставаться в сознании дольше и дольше. Незнакомые люди каждый день приходили в палату, радовались тому, что она пришла в себя, и обращались только к «Анаит». Существовало только одно логическое объяснение: Алиса попала в больницу одновременно с этой девушкой, и по какой-то нелепой случайности их перепутали.

В этом логичном выводе имелась огромная нестыковка. Больничным персоналом, теоретически в большой запарке мог перепутать двух женщин одного возраста, одного роста и, например, цвета волос. Но почему родственники не видят, что здесь не Анаит, а совершенно посторонняя девушка?

И этому имелось объяснение, о котором Алиса старалась не думать, чтобы не расстраиваться. Родственники могли не узнать свою дочь или сестру только в том случае, если обе женщины попали в больницу совершенно обезображенными. Из обрывков разговоров Алиса поняла, что Анаит попала в страшную аварию. Там не только лицо могло пострадать.

Счастье, если руки-ноги на месте остались. А сама Алиса так и вовсе едва не сгорела заживо. И хоть боль от ожогов не ощущалась, это ещё ни о чем не говорило. Среди всех капельниц и уколов, литрами вливаемых в её тело, могли быть сильные обезболивающие.

Но если все так, почему не ведется подготовка к операциям? Пересадка кожи и что там ещё требуется в таких случаях? Почему тело обмывают, вместо того, чтобы менять мокрые повязки?

Скорее всего, сильно пострадало лицо, а не руки-ноги и все остальное.

Алиса немного завидовала той женщине, чье место случайно заняла. К ней приходило так много родственников и друзей, стольким она небезразлична. Да и у Анаит был мужчина, который очень сильно любил жену, постоянно находился рядом и всячески поддерживал.

Она подумала о том, кто мог бы прийти к ней в палату. Мерзавец, у которого не получилось убить жену машиной? Подонок, поджегший дом, с семимесячным ребёнком внутри? Алиса была почти уверена, что пожар – дело рук Богучева. Он всегда делал всю грязную работу за Сергея.

От мыслей о Нике сердце заходило болью. Как она там? Кто за ней присматривает? Жива ли ещё?

Мысленно Алиса снова и снова возвращалась к каждому эпизоду и событию, приведшим её в эту палату. И кляла себя за доверчивость, нерешительность и за то, что оставалась

бесхребетной тряпкой, куклой в руках умелого кукловода.

Судьба предоставляла столько возможностей спасти себя и Нику от жестокой участи! Но Алиса не решилась хоть что-нибудь сделать. Всё надеялась на «авось»: «авось» все обрывается; «авось» проблемы обойдут их с Никой стороной, «авось» Михаил не даст свою единственную сестру в обиду, ведь кровь гуще воды.

Думая, что вот-вот простится с миром живых, Алиса просила только об одном – о возможности отомстить. Наверное, само провидение услышало отчаянный крик и мольбу. Смерть отступила и дала шанс на справедливое отмщение.

Как только появится возможность, необходимо спрятать Нику в безопасном месте и идти в полицию. Годами никто не обращал внимания на младшую дочь Артура Ухарова. При Алисе многое обсуждалось, ничего не скрывалось, и теперь она могла многое рассказать о махинациях Михаила и всех тех, по чьей вине лежит прикованная к кровати в этой стерильно чистой палате. Их посадят, всерьез и надолго!

Каждый раз, думая о тех, кто виноват в произошедшем, Алиса сильно нервничала. В тот же момент рядом материализовывалась медсестра и делала укол, после которого её либо принимал в свои объятия Морфей, либо мозг практически переставал думать, и оставалось только лежать, тупо глядя в потолок.

Прошло недели две, а может и больше. Почти все время Алиса пребывала в каком-то затяжном сне, иногда прерыва-

ющимся недолгим бодрствованием. Но почему-то казалось, что прошло именно две недели. Очередной сон прервали голоса. Слова, которые произносили неизвестные, острыми иглами впивались в мозг, разгоня сонливость и грезы, насильно возвращая в реальность.

Алиса приоткрыла глаза, и посмотрела перед собой. В тот момент рядом находился доктор, беседующий с кем-то, вне её поле зрения. Отчетливо слышались женские всхлипы и суровый мужской голос.

– Но что-то же можно сделать? – настаивал мужчина.

– Мы и так делаем все возможное, – оправдывался Яблочков. – Но выздоровление после комы – затяжной процесс. Поймите, дело ведь даже не в том, что тело пролежало без движения больше двух лет. Тело то, как раз реагирует нормально. Проблема в мозге. Часть нейронов головного мозга отмерла.

– Мы вас не понимаем, – всхлипнула женщина.

– Как вам объяснить... – попытался подыскать правильные слова доктор. – Представьте, что все в нашем мозгу связано... телефонными проводами! Память, чувства, эмоциональные реакции, болевые и так дальше. Чтобы все функционировало правильно, связь должна быть непрерывной. В случае Анаит проводами два года не пользовались вообще. Часть из них просто поржавела и развалилась. И мы пока не можем определить какая именно.

– Это можно исправить? – спросил мужчина.

В голосе врача слышалось сожаление:

– К несчастью, такие изменения необратимы и в любом случае на чем-то скажутся.

– Вы хотите сказать, что Анаит станет овощем или умственно-неполноценной? – сдерживая волнение, спросил мужчина. А женщина продолжила тихо плакать.

– Во-первых, – чувствовалось, что Яблочков (Алиса вдруг вспомнила его фамилию) тщательно подбирает слова. – Об этом пока рано судить. Пройдет три-четыре недели, прежде чем мы сможем понять, как перенесенная травма повлияла на мозг. Во-вторых, последствия необязательно скажутся на умственных способностях. В моей практике были случаи, когда пациенты после комы переставали спать или выговаривать конкретную букву, начинали различать какой-то цвет или могли без проблем есть ложками и вилками, но не могли пользоваться палочками для китайской еды или вязать спицами. Поймите, нужно время...

– Но вы сказали, что она уже сейчас не реагирует, так как должна, – настаивал мужчина. – О чем это может говорить?

Яблочков замялся, послышалось протяжное «Ну-у-у...», затем тяжелый вздох и Алиса, хоть и не могла этого видеть, но четко представила, как доктор разводит руками и говорит первое, что пришло в голову:

– Этому может быть разное объяснение. Тело восстанавливается, но пока контакт с Анаит не установлен, невозможно точно сказать в чем причина столь странного поведения.

Повторюсь! – поспешно добавил Яблочков, предвосхищая то ли вопрос, то ли очередной виток слез. – Анаит никак не реагирует на появление близких – пульс не меняется, глаза не пытаются следить за ними, нет необычной мозговой активности – и тому может быть несколько разных объяснений. заторможенная реакция, потеря зрения или даже самая элементарная потеря памяти!

– Потеря памяти? – с надеждой повторила женщина, как будто услышала единственно приемлемый вариант из всего сказанного.

– Да, – обрадованный тем, что смог предоставить более или менее достоверное объяснение доктор, принялся закреплять успех: – Ретроградная амнезия или даже полная потеря памяти вполне вероятны после той черепно-мозговой травмы, что привела к коме. Анаит может ясно мыслить, но просто не узнавать окружающих.

– Но... это обратимо? – спросил мужчина, вероятно отец той Анаит, о которой говорили.

– В каких-то случаях да, в каких-то нет, – не стал давать ложных надежд Яблочков. – Но если у вашей дочери амнезия или не приведи господи потеря зрения, то это хорошие новости. Значит мозг не так поврежден, как мы боимся. Вы сможете научить дочь разговаривать и писать заново, окружите любовью, заботой, семейным теплом и Анаит постепенно привыкнет жить в обществе. Это будет жизнь, а не...

Он не договорил, но даже Алиса поняла, что врач имел в

виду – Анаит не будет живым овощем, обузой для родных и близких.

– Спасибо вам доктор, – воспрял духом отец Анаит.

– Скажите что нужно и мы всем поможем! – пообещала мать.

Яблочков заверил:

– Ни о чем не переживайте. Даниил Анатолиевич уже обо всем позаботился. У нас есть все необходимое и даже больше.

– Да, мы знаем, – смущенно пробормотал мужчина. Наверное, ему неудобно, что о дочери заботиться кто-то другой. – Но все же, дайте знать если что.

– Может потребуется переливание крови или донорские органы, – нашла мать. – Мы семья, значит обязательно пойдём!

– Это хорошая, здравая мысль, – похвалил Яблочков.

Голоса начали отдаляться. Видимо, вышли из палаты. И Алиса обрадовалась наступившей тишине. Короткий период бодрствования оказался выматывающим и очень хотелось хотя бы немного поспать. И тут в полудреме, на периферии сознания замаячила какая-то мысль, беспокоящая, как комар, летающий по комнате и мешающий уснуть.

Вдруг в памяти всплыли оброненные доктором слова: «... тело пролежало без движения больше двух лет» и глаза Алисы резко распахнулись. Рядом как сумасшедший запищал аппарат, измеряющий сердцебиение.

Два года! Алиса пролежала здесь два года! Как такое могло произойти? Проспать два года своей жизни и даже не знать об этом!

Вспомнились слова про кому. И тут же нахлынули вопросы. Та вторая женщина, Анаит, должна бы уже прийти в себя и все рассказать! Почему подлог ещё не раскрыли? Должны были обнаружить хотя бы то, что у них разная группа крови...

Если только Анаит не страдает амнезией... или если не умерла...

Медсестра с уколom быстро появилась в палате и вкатила успокоительное. Но в этот раз оно не помогло. Алиса не могла прийти в себя, думая о том, что потеряла два года своей жизни. Как же так? Что вокруг происходит? Где её дочь? Нике должно быть уже почти три. Если она жива...

Это чертово «если», которое Алиса пыталась гнать от себя, больно резало по нервам. Нестерпимо хотелось кричать от бессилия и злобы, от ненависти ко всем, из-за кого оказалась прикованной к кровати. Разболелась голова, тело перестало слушаться, и начались конвульсии. Алиса ничего не могла поделать, но боль в конечностях ощущалась так, будто их кто-то узлом завязывает.

Вокруг суетились люди, в какой-то момент прибежал Яблочков, начал раздавать команды, которые отрывками-иглами больно впивались в мозг:

– ...введите сибазон... держите ноги... увидите родите-

лей!

Постепенно тело замерло, а сознание начало заволакивать туманом. Но Алиса все ещё четко могла видеть седину склонившегося Яблочкова. И почему-то внутри поднялась такая ненависть к доктору, словно мужчина лично виноват в том, что она два года пролежала без движения. А потом все растворилось в тяжелом сне без сновидений – страх, тревога, боль, неопределенность. Все растворилось в неизвестности.

ГЛАВА 2

В фильмах люди выходят из комы, несколько дней отлеживаются и начинают ходить, решать возникшие проблемы и накопившиеся вопросы, закатывать скандалы или мстить тем, кто их в кому отправил. В реальности Алиса через пять недель после пробуждения только начала стабильно пребывать в сознании, фиксировать взгляд, поворачивать голову и даже делать первые попытки заговорить. Словарный запас ограничивался в основном словами: «Да», «Нет», «Пить». Иногда проскакивали другие слова – «Туалет», «Холодно» и «Жарко». Но получалось настолько неразборчиво, что медсестра скорее догадывалась, что Алиса имела в виду, чем понимала смысл сказанного.

В фильмах вралли о многом. Например, никто не говорил, что, выйдя из комы начинаешь радоваться, когда получается осознанно двигать языком. Яблочков даже позвал всех близких Анаит, чтобы на это посмотрели.

Вот уж точно ходячий человек-позитив! Всегда бодр, энергичен, несмотря на возраст, и в отличном расположении духа. У него имелось удивительное свойство распространять позитив и энтузиазм вокруг, как WI-FI.

Яблочков постоянно повторял, что Алиса не должна слишком усердствовать, что нужно набраться терпения. Он не понимал, что на кону каждая минута, каждое мгновение.

Алиса боялась за Нику.

Как же так? Два года в коме! Разве после пожара люди попадают в кому?

Из одного из монологов Яблочкова, которые он называл «беседами», Алиса узнала, что получила сильную черепно-мозговую травму. И все, казалось, стало на свои места. Наверное, когда дом рушился во время пожара, её привалило балкой, потолком или чем там ещё могло привалить в таких обстоятельствах.

Жизнь в неизвестности – все равно, что балансировка на отвесном краю. Впереди черный зев бездонной пропасти, а под ногами – зыбкая почва, рассыпающаяся от неосторожного вздоха. А придуманное Алисой объяснение, укрепляло почву.

Через пять недель, помимо очевидных успехов в выздоровлении, случилось ещё кое-что. У Алисы в палате установили телевизор. Так как она уже могла двигать пальцем, ей положили под руки пульт, дав возможность переключать каналы. Чаще всего она смотрела местные новости. И ничто не подготовило Алису к услышанному, не смягчило удар.

Блондинка-ведущая, прокомментировала предыдущую новость – о грядущих выборах в США – и перешла к следующей:

– Полтора месяца назад мир потрясло известие о смерти сестры и племянницы одного из самых богатых людей не только в Малавии, но и во всей Европе – Михаила Ухарова.

Алиса Ухарова вышла замуж в девятнадцать лет за своего единственного мужа – Сергея Орлова. Он был деловым партнером Михаила, так они и познакомились. В день трагедии Алиса Орлова с дочерью были дома, а глава семейства отсутствовал по делам. Когда начался пожар, Алиса Орлова и их общая с Сергеем Орловым семимесячная дочь Вероника ещё спали. Судя по положению обгоревших останков, госпожа Орлова все же проснулась и даже попыталась добраться до детской комнаты. Но не дойдя до двери, потеряла сознание, надышавшись дымом. Пожарных вызвали соседи. Следствие продолжалось полтора месяца, так как до конца не были ясны все обстоятельства их гибели. Подозрение вызывало то, что накануне Сергей Орлов застраховал жизни жены и дочери на крупные суммы денег – тридцать три с половиной миллиона долларов и полтора миллиона долларов соответственно. Причины пожара остались неустановленными. Известно лишь то, что очаг возгорания находился на втором этаже, там, где располагались супружеская спальня и детская комната. Следствие пришло к выводу, что пожар явился следствием поджога. Однако нет никаких доказательств того, что Сергей Орлов причастен к нему. Пожар могли устроить конкуренты по бизнесу или одна из ревнивых бывших любовниц бизнесмена. Следствие продолжалось полтора месяца, проведено несколько экспертиз и даже эксгумация тел Алисы и Вероники Орловых, чтобы установить действительно ли они сгорели. Сегодня в этом деле поставлена точка.

Алиса и Вероника Орловы официально признаны погибшими в пожаре, случившемся из-за умышленного поджога. К сожалению, в виду отсутствия улик, найти и привлечь поджигателя к суду не получится. Это дело так и останется не раскрытым.

Ведущая продолжала что-то говорить, но из-за звона в ушах Алиса уже ничего не разбирала. В глазах потемнело, снова начались судороги. В голове не осталось ни одной мысли. Все происходило с ней, и как будто с кем-то другим одновременно. Ей что-то вкололи, о чем-то говорили и просили. Но все казалось бессмысленным. Все разом утратило смысл. Если бы можно было словами описать как себя ощущаешь, когда вырывают душу, то Алиса упомянула бы именно этот момент – когда второй раз потеряла дочь.

Укол отправил Алису в забытье. Точнее то, что от неё осталось. Больше ничего не могло причинить боль или как-то ранить. Все самое страшное уже произошло.

Алиса проснулась внезапно, как от толчка. Она и не поняла, что её разбудило. Просто в один момент спала, а в другой – бодрствовала. Тишину в палате нарушали только мерно тикающие приборы, а полумрак успокаивал и дарил чувство безопасности. На ночь свет выключали, но большое панорамное окно впускало достаточно лунного света и света от фонарей во дворе, чтобы просматривались силуэты в помещении.

Теперь Алиса точно знала, что произошло. Выходит, все,

что она помнила – правда? Её сожгли заживо? А эта палата тогда что – ад, рай, чистилище?

Впрочем, какое это имеет значение?

Ника мертва. Все остальное бессмысленно и не важно. О чем Алиса думала, едва только пришла в себя? О мести? Захотелось расхохотаться в голос – такой ерундой это сейчас казалось. Что ей даст эта глупая месть? Вернет Нику? Поможет сделать так, чтобы того пожара не произошло?

Желание истерично орать, биться головой о стены, порезать вены поднималось горячей волной, вытеснявшей воздух, не давая вдохнуть и пошевелиться.

И вдруг рядом послышалось движение. Возле кровати возникла высокая, широкоплечая мужская фигура. Алиса испугалась, хотя не думала, что её ещё хоть что-то напугает. Неужели в палате убийца, присланный добить случайно выжившую свидетельницу?

Фигура склонилась над кроватью и ласковый, успокаивающий голос попросил:

– Тише, тише. Ничего не бойся. Ты в безопасности.

Алиса узнала голос. Даниил!

Что он делал в палате так поздно? Хотя, чему она удивляется? Муж Анаит дневал и ночевал тут, когда Алиса только открыла глаза. Наверное, медсестры сообщили о произошедшем, и Даниил заехал в больницу, а потом остался, чтобы убедиться, что, когда супруга проснется, все будет хорошо.

Вспыхнул свет настольной лампы, на несколько мгнове-

ний ослепив Алису, затем она смогла рассмотреть его лицо. Даниил выглядел усталым, немного осунувшимся, но спокойным и уверенным в себе. Как какой-нибудь утёс, о который тщетно каждый день бьется океан. Наверное, с годами волны смогли бы отломать от него кусочек, но какой ценой? Сколько усилий придется затратить? Сколько волн погибнет, ничего не достигнув?

Ей вдруг подумалось, что если бы у Ники был такой папа, то с нею точно ничего не произошло.

– Ну-ну-ну, – Даниил обеспокоено взял её за руку. – Не нужно плакать. У тебя что-нибудь болит? Позвать медсестру?

После его слов она с удивлением поняла, что и правда плачет. Алиса смогла выдать из себя: «Нет». Её боль не вылечить. Медсестра не сможет сделать укол, способный лишить сердца, а вместе с ним и боли. Нет пилюли, способной заставить забыть всю прежнюю жизнь.

Даниил подвинул стул, который Алиса только сейчас заметила поближе, и сел.

– Вот и хорошо, – успокаивающе сказал он, поглаживая слишком тонкую, слишком смуглую ручку, чтобы она могла оказаться рукой Алисы. И все же она чувствовала касания, желание утешить, поддержать, защитить от боли. Чувствовала и... ненавидела за это. Ненавидела за то, что такой заботливый и любящий мужчина не появился в её жизни, не защитил от пережитого ужаса. Ненавидела и всем сердцем

желала, чтобы Даниил не отпускал руку никогда. В душе, в чувствах бушевала настоящая буря. А он стал якорем, помогавшим удержаться рассудку наплаву. И пусть это был чужой муж. Сейчас Алисе нужна была поддержка. И никого другого рядом не было.

– Все образуется, – уговаривал он, продолжая поглаживать руку и делая легкий массаж пальцам. – Мы все преодолеем. Нужно лишь время. Мы со всем справимся.

Он постоянно говорил: «Мы». Не «я», не «ты», а «мы». Как будто не мог отделить себя от неё, верил, что у них могло быть только одно будущее на двоих. И это «мы» словно делило боль пополам.

Станным образом слова Даниила успокаивали, убаюкивали. Как гипноз. И Алиса даже не заметила, как вновь уснула.

Когда медсестра утром разбудила для процедур, не только Даниила, но и малейшего следа его пребывания в палате ночью не осталось. И Алиса могла лишь гадать – не приснилось ли все это?

Алиса даже не представляла, насколько сильно её все это время поддерживала надежда, сколько прибавляла сил. Сейчас, когда реальность четко и с расстановкой объяснила, что надеяться больше не на что, силы разом покинули и без того слабое тело.

До рокового выпуска новостей частично восстановилась

подвижность пальцев. Сейчас всякий прогресс откатил назад так стремительно, что через два дня ничего не говорило о том, что он вообще был. Яблочков списывал ухудшения на припадки с судорогами. На самом деле просто больше не было ни единой причины пытаться снова начать ходить и жить полноценной жизнью.

И Алиса даже не пыталась бороться, чтобы все вернуть. В полной апатии прошло около недели.

Когда Алиса снова начала говорить «Да» и «Нет», Яблочков решил, что пора попытаться наладить контакт. Разговаривали доктор, муж Анаит и её родители. Вопросы задавал, только Яблочков, читая с планшета, но они присутствовали рядом, эмоционально реагируя на каждый ответ.

– Здравствуйте, Анаит. Сейчас вам уже получше, и думаю, пришло время поговорить. Вы не против?

– Нет, – ответила она, и все наклонились, чтобы расслышать ответ. Алиса все ещё не могла контролировать собственный голос, звучащий то тихо, то громко и совершенно незнакомо. Это одна из странностей, преследовавших её после того, как очнулась. Например, зрение. Яблочков говорил, что после комы многое в организме может измениться. И Алиса никак не могла привыкнуть к тому, что близорукость пропала.

Они проводили подобные беседы раньше. Только в те дни Яблочков показывал картинки и задавал вопросы: «Это яблоко?», «Это цифра шесть?», «Это зеленый цвет?», и так

дальше. Алиса понимала, что он пытается выяснить насколько пациентка в здравом уме, и что вообще помнит и понимает. Иногда доктор показывал фотографии людей и спрашивал: «Вам знаком этот человек?». Узнав лица звезд кино или эстрады, политиков или известных медийных личностей, Алиса кивала утвердительно, в других случаях – нет.

Начало разговора до боли напоминало предыдущие беседы. Но зачем тут сегодня собралась эта троица? Хотят убедиться, что деньги, выделяемые на лечение, используются правильно?

Алисе их по-настоящему жаль. Особенно Даниила. Наверное, Анаит – замечательный человеком, раз муж её так любит. Он каждый день приходил и проводил рядом столько времени, сколько мог: говорил, рассказывал разные забавные истории, произошедшие за последние два года, или просто смотрел телевизор. Иногда строил планы на будущее, но делал это так, словно слова вырывались против воли. Например, скажет:

– Мы поедem на Мальдивы. На тот пляж, где ты любила нырять с маской... – и оборвет себя на полуслове, быстро меняя тему на другую. Сначала Алиса не понимала, зачем так делать. Прошло время прежде, чем до неё дошло: они даже не знают, будет ли она вообще ходить, а он купание обещает.

Родители Анаит тоже приходили, но не так часто. И без крайней необходимости не оставались в одной палате с Да-

нилом. Между ними что-то происходило. Но как водиться в таких семьях – изо всех сил делали вид, что все в порядке.

Если они собирались в комнате втроём, то воцарялось жуткое напряжение и неловкость. Хоть все и старались держать лицо, чтобы не волновать Алису.

– Анаит, в течение последних нескольких недель мы провели серию бесед, – Яблочков старался говорить легко и непринужденно, но Алиса все равно почувствовала, его напряжение. Значит, это не просто «очередной разговор» и троица собралась не случайно. Сердце забилося быстрее. Почему-то стало страшно. Нервозность окружающих постепенно передавалась и ей.

Алиса кивнула.

Яблочков быстро посмотрел на монитор с неровным сердечным ритмом, и постарался успокоить:

– Не нужно так беспокоиться. Мы просто разговариваем.

Алиса снова кивнула, хоть так и не успокоилась. Она попыталась призвать на помощь разум. Чего может бояться парализованная женщина с обезображенным лицом, прикованная к больничному ложу? Все самое худшее уже произошло.

И все же нервозность не проходила.

Яблочков перестал ходить вокруг да около и перешел к делу:

– Анаит, мы начнем с простых вопросов и ответов. Скажи, ты узнаешь присутствующих здесь людей? – он пооче-

редно указал на всех троих. Алиса утвердительно кивнула. Конечно, узнавала. Последние пять недель Эрмина Кареновна и Николай Александрович постоянно приходили в гости. А Даниил практически жил здесь же.

Лица троицы преисполнились радостью и надеждой.

– Ты помнишь, кем они тебе приходятся? – спросил Яблочков, делая пометки в планшете.

Алиса покачала головой. В таком беспомощном состоянии невозможно рассказать о чудовищной ошибке, произошедшей в больнице. Но раз Яблочков задает такие вопросы, значит что-то уже заподозрили? Для Алисы все кончено. Однако, где-то там была любимая дочь Эрмины Кареновны и Николая Александровича и жена Даниила. Сама, будучи мамой, Алиса понимала, как тяжело жить, не зная правды и хотела помочь хотя бы этой семье воссоединиться.

Троица расстроилась, и начала обеспокоено переглядываться. Правильно, мысленно обрадовалась Алиса, до вас должно уже, наконец, дойти, что на этой койке лежит не ваша дочь и жена. Чем быстрее вы это осознаете, тем быстрее найдете её.

– Тебе что-нибудь говорит фамилия Князев? – продолжил расспрашивать Яблочков, сверяясь со своим списком в планшете.

Алиса произнесла вслух:

– Нет.

В этот раз паузы между вопросами практически не следо-

вало:

– Фамилия Андрианова?

– Нет.

– Фамилия Спилберг?

– Да.

– Да Винче?

– Да.

– Очень хорошо, – похвалил Яблочков, хотя по лицам родителей и мужа Анаит стало видно, что ничего хорошего они не услышали. Доктор мельком спросил: – Ты устала?

– Да, – честно ответила Алиса.

– Потерпи ещё немного, – попросил он, и Алиса раздраженно подумала про себя: «Будто у меня есть выбор».

Яблочков закончил с пометками и перешел к следующей фазе расспросов:

– Анаит, сейчас я покажу тебе серию фотографий. Мы так уже делали.

Он оставил список с вопросами, и перешел к картинкам.

– Я буду показывать фотографии, а ты будешь говорить «Да», если знаешь человека на фото – и когда я говорю «знаешь», то имею в виду не просто когда-то видела, а можешь сказать, как зовут и чем занимается – и «Нет», если тебе не знаком человек или если видела, но понятия не имеешь кто это. Тебе все понятно?

Алиса кивнула, экономя силы для нового блицкрига.

Яблочков поочередно показывал фотографии художни-

ков, актеров и актрис, политиков и совершенно незнакомых, ничем не примечательных людей. Алиса соответственно отвечала «Да» или «Нет». Последним стало селфи невероятно красивой и очень сексуальной женщины с восточными корнями, которую Алиса впервые видела. Фото взятое из Инстаграма или другой соц.сети. В противном случае она бы вспомнила. Такую красотку невозможно забыть. Она буквально излучала сексуальную притягательность даже на селфи. Как Мерлин Монро или молодая Софи Лорен. Наверное, какая-то актриса или бьюти-блоггер.

Алиса сказала слегка сиплым и уставшим голосом «Нет». И ответ вызвал бурю эмоций у родителей Анаит и обеспокоенность Даниила. Яблочков шикнул и переспросил:

– Уверенна? Точно никогда раньше не видела эту женщину? Посмотри внимательно.

Алиса ещё раз посмотрела на фотографию, не понимая, почему именно к этой женщине столько внимания. И снова покачала головой. Она не видела её раньше. Такую точно не забудешь. Природа разгулялась на полную катушку, создавая такую красотку: большие карие глаза, смуглая кожа, утонченные и очень правильные черты лица, крашенные сливовой помадой полные, но не слишком большие губы, слегка выющиеся пышные темно-каштановые волосы уложены в высокую, казавшуюся небрежной прическу, открывая изящный изгиб шеи, худенькое, но не тощее тело, полная грудь, тонкая талия, насколько можно судить с такого ракур-

са. Она сидела в купальнике на краю бассейна, на своих ногах, поэтому о них просто невозможно что-то сказать определенно. Но Алиса уверена, что там тоже все абсолютно пропорционально, стройно и красиво.

– Нет, – снова повторила она о.

Мать Анаит едва не расплакалась. Только сейчас Алиса присмотрелась к ней: тоже восточные черты лица, только более выраженные, чем у девушки на фото, карие глаза на мокром месте и из-за этого потускнели, померкли и казались выцветшими. Тонкие губы постоянно приоткрыты, как будто она не дышала носом, только ртом.

Яблочков заговорил и отвлек от разглядывания бедной женщины, на долю которой выпало несчастье потерять родную дочь. Алиса, как мать, понимала эту боль, и всем сердцем сочувствовала. И одновременно завидовала. Когда выяснится, что произошла чудовищная ошибка, родители смогут начать поиски Анаит, и она ещё может оказаться живой. Алисе надеяться не на что. Её дочь мертва.

– Анаит, я хочу что-то вам показать, – осторожно сказал Яблочков и что-то включил на экране планшета, прежде чем повернуть экран к Алисе. В первое мгновение она подумала, что он просто не переключил изображение, потому что на экране снова оказалась та же красавица, что и перед этим. Только не накрашенная, сильно бледная, измученная, пышные волосы убраны под какую-то белую косынку, лицо сильно исхудало, глаза выцвели и потеряли блеск. От неё уже не

исходила прежняя уверенность в своей красоте и сексуальности. Сейчас глаза красавицы с восточными корнями смотрели на Алису внимательно и очень устало. И выжидающе.

Алиса посмотрела на Яблочкова, ожидая вопроса или указаний к тому, как проходить очередной тест. Но он настойчиво попросил:

– Анаит, пожалуйста, внимательно посмотрите.

Алиса послушно перевела взгляд на планшет и вдруг заметила, что фотография на планшете сделала легкое движение головой. Думая, что показалось, Алиса сощурила глаза, стараясь всмотреться в изображение в поисках изменений. Может в этом весь тест? Найти десять отличий или что-то вроде того?

Фотография в планшете сощурила глаза в ответ. Алиса испуганно отпрянула, изображение сделало то же самое. Где-то на периферии зрения мелькнуло движение, и планшет в руках врача дернулся. Алиса посмотрела вверх – Яблочков удерживал Даниила, уговаривая:

– Нет, Даниил Антонович, вы обещали не вмешиваться! Так нужно!

Плотно сжав зубы, Даниил отступил, но его внимательный взгляд был обращен к Алисе. Так смотрит волк на того, кто приближается к его волчице, попавшей в капкан – настороженно, в любой момент готовый броситься на врага, вырвать ему глотку и защитить попавшую в беду беззащитную самку. Алиса чувствовала себя этой самой самкой, и взгляд Дании-

ла просил: дай лишь знак! Только намеки, что ты в беде, и я всем вырву глотки!

– Анаит, – продолжал настаивать Яблочков. – Пожалуйста, смотрите в планшет.

Алиса снова перевела взгляд на планшет. И в этот раз заметила движение глаз. Как будто изображение тоже смотрело в сторону, а теперь смотрит вперед. Алиса медленно подвинула голову ближе к планшету, изображение сделало то же самое.

Ужасная догадка ворвалась в мозг, сметая все мысли на своем пути, как огромное цунами. Неужели это не фото?

– Это не фотография, – словно прочитал её мысли Яблочков. – Я включил камеру. Сейчас вы смотрите на себя.

Алиса слышала слова врача, но не могла им поверить. Это невозможно. Это невозможно. Это просто невозможно!

– Поверните голову, – предложил Яблочков. – Убедитесь в том, что я прав...

– Нет! – хрипло воскликнула Алиса. – Нет! Нет! Нет!

Если бы могла, она оттолкнула бы руку Яблочкова с планшетом. Это не могло оказаться правдой! Это был какой-то злой, ужасный, отвратительный розыгрыш! Наверное, это скайп или что-то вроде того. А девушка просто актриса... Вот почему она так умело и быстро копирует все движения Алисы!

– Хватит! – властно воскликнул Даниил. – Уберите планшет!

– Посмотрите, что вы наделали! – эмоционально воскликнула женщина, и взяла Алису за руку. – Все будет хорошо, родная...

– Нет! – закричала Алиса, не имея сил вырвать свою руку у совершенно чужой ей женщины. Все это какой-то чудовищный розыгрыш, кошмар в котором она застряла, дикий, невозможный сюр... Все это не может быть правдой! – Нет!

Алиса продолжала повторять «Нет», пока не прибежала медсестра со шприцом. Снова укол, снова забвение, снова покой. Перед очередным погружением в сон без сновидений или отдыха, Алиса успела увидеть, как расплакалась мать Анаит и попытки Яблочкова оправдаться перед держащим его за барки Даниилом:

– ... она должна была осознать, что смотрит на себя! Сопоставить свой образ с отражением... Даниил Анатолиевич...

ГЛАВА 3

В опостылевшей до колик палате Алиса смотрела новости, включенные Даниилом. За окном медленно сгущались вечерние сумерки. Хотелось оказаться там, снаружи. Подальше от света ламп, от врачей, процедур и всего того, что делало происходящее реальным. Возможно, если сидеть там достаточно долго, до того момента, когда ночь укутает все вокруг, даже её покрывалом из тьмы, то можно будет притвориться, что ничего не случилось – ни этой палаты, ни нового тела, ни новой жизни.

Даниил не так давно пришел в палату и сейчас собирался ужинать. Он делал так последние четыре дня, надеясь вызвать у Алисы желание есть самостоятельно. И его не смущал отрицательный результат. С маниакальным упорством он делал вид, что все идет так как задумано. И, судя по всему, не собирался менять стратегию или сдаваться.

Алисе его даже жалко. Сильный мужчина, волевой, не привыкший отступать перед проблемами. Время от времени Даниил разговаривал в палате с подчиненными или деловыми партнерами. Никто не мог поколебать его уверенность в принятом решении, или заставить отступить от цели. В то же время, Даниил не был упертым, не пытался добиться своего любой ценой, лишь бы только добиться. Если были объек-

тивные причины или непреодолимые сложности, то он мог свернуть в сторону, чтобы обойти проблему, и добраться до цели с меньшими проблемами.

Так, войдя в палату, он в разговоре по телефону велел отказать от строительства отеля, ведь геологическая разведка донесла, что там нашли древнее захоронение. Теперь любое строительство станет незаконным.

И тут же Даниил проявил гибкий и изобретательный ум, сказав собеседнику:

– Пностроим отель немного южнее. А на месте раскопок устроим музей с экскурсиями в катакомбы, с возможностью переодеться в одежды тех времен, посмотреть, как тогда жили, что-то сделать своими руками – не знаю, может глиняные фигурки, может масло взбить, посмотрим – и, конечно, сфотографироваться на фоне настоящих старинных артефактов. Узнай, какие разрешения для этого нужны и начинай все подготавливать. И обеспечь огласку, чтобы все знали, что наша компания поддерживает раскопки и оказывает безвозмездную помощь. О, можешь археологам в качестве благотворительной помощи подбросить тысяч сто, чтобы активнее вели раскопки!

И с женой не собиравшись отступить. Алиса смирилась с тем, что он постоянно рядом и уже не реагировала на попытки наладить контакт. Две недели назад она узнала страшную правду – её убили, сожгли заживо в собственном доме. Вместе с нею погибла и семимесячная дочь – Ника. А потом она,

каким-то образом, попала в тело Анаит, последние два года пролежавшей в коме.

Когда Алиса узнала правду, пыталась всё отрицать, пыталась доказать окружающим что они неправы. Но Яблочков все же смог убедить её в том, что до сих пор кажется таким невероятным – душа Алисы переселилась в тело Анаит. Точнее, не так. Доктор помог убедиться в том, что отражение в зеркале принадлежит ей. До остального она дошла своим умом.

Это произошло пять дней назад. Но с тех пор, кажется, прошла целая вечность.

Алисе пришлось смириться с мыслью, что надеяться больше не на что. А раз надежды нет, то и стараться больше незачем. Нет смысла становиться на ноги, нет смысла прикладывать усилия, чтобы вернуть нормальную речь. Нет смысла даже в том, чтобы есть или пить. Поэтому последние четыре дня Алису кормят из трубки.

Все казалось бессмысленным, ведь Нику не вернешь.

Мысленно Алиса часто задавалась вопросом: зачем она оказалась здесь? Почему не упокоилась вместе с дочкой? И мысленно сама над собою смеялась: от кого надеялась услышать ответ?

И все же на вопрос ответили.

Медсестра поставила перед Даниилом восхитительно пахнущее жаркое (где только его приготовили? не в больнице же!), и он, прежде чем приступить к ужину, включил телеви-

зор. Как раз шли новости. Сначала не говорили ни о чем примечательном: кто-то кого-то бомбил, обострился очередной международный скандал, где-то вспыхнули массовые протесты. Алису начало клонить в сон.

И вдруг она услышала то, что заставило не только проснуться, но и обратить все внимание на ведущего:

– От взрыва автомобиля едва не погиб журналист и общественный деятель Аверьян Авдеев. Спасло чудо: открыв дверь машины, он отвлекся на сообщение и взрыв произошел до того, как Аверьян сел за руль. У полиции пока нет версий. Но господин Авдеев связывает покушение с текущим расследованием.

Вместо журналиста появилась симпатичная репортерша на фоне УхаровКорп и принялась торопливо и с выражением рассказывать:

– Аверьян Авдеев – автор широко распространившейся по сети интернет версии, что Алису и Веронику Орловых убил Сергей Орлов с одобрения Михаила Ухарова. Мотивом такой жестокой расправы послужили деньги. Совместный бизнес Михаила Ухарова и Сергея Орлова на данный момент действительно переживает не лучшие времена, и по мнению аналитиков и того же Аверьяна, деньги, которые вы платят по страховке, буквально спасут его.

Репортер показала на здание посади себя, затем вернулась к основной теме:

– Акции компании поползли вверх, после того как стало

известно, что с Михаила и Сергея сняли обвинения.

Кадр изменился и теперь рассказ велся на фоне пепелища, оставшегося от дома, в котором сгорели Алиса и Ника:

– Аверьян приводит ряд доказательств в поддержку данной теории. Правда, ни одно не может однозначно трактоваться как свидетельство вины. Например, Аверьян утверждает, что изначально планировали убить только Алису Орлову, ведь её застраховали на четыре дня раньше, чем Веронику Орлову. Но потом что-то изменилось. По версии Аверьяна, Сергей или Михаил, а может и оба сразу, решили, что им будет мало денег, полученных за смерть Алисы Орловой, и они спешно оформили страховой полис на её дочь. Все вышесказанное – и я подчеркиваю эти слова – теория Аверьяна Авдеева, и может никогда не найти подтверждение. На счету журналиста-международника разоблачительные сюжеты, касающиеся махинаций в ювелирном бизнесе и схватки с наркокартелями. Однако он связывает недавнее покушение именно с расследованием по делу Орловых...

Журналист продолжала что-то говорить, но Алиса уже не слушала. Она анализировала услышанное. Выходит, Веронику застраховали позже... Неужели им мало тридцати трех миллионов?

Четыре дня... Что произошло за четыре дня? Почему они передумали?

И тут Алиса вспомнила: в эти четыре дня приходил в гости Михаил, расспрашивал про здоровье Ники, как растет,

не капризничает ли. Он держал племянницу на руках, целовал в лобик и обещал, что все будет хорошо.

Гнев, тот самый гнев, который вынес сознание Алисы из небытия, снова поднялся неудержимой волной.

Нику убили за полтора миллиона долларов, убили из алчности, потому что показалось, что денег мало. Жадные ублюдки!

Алиса не сомневалась: именно Михаил принял решение убить Нику, Сергей не решился бы! В голове не укладывалось! Он держал племянницу на руках, целовал в лобик...

Теперь Алиса поняла, зачем ей подарили вторую жизнь в новом теле – чтобы дать возможность отомстить.

Гнев сменился уверенностью, спокойствием и хладнокровием.

– Анаит? Все хорошо? – встревожено спросил Даниил и взял её за руку. Безвольную слабую руку, которой Алиса не могла ничего делать последние две недели.

Собрав все силы, Алиса сжала его ладонь и прошептала:

– Да...

Теперь ей нужны были силы, нужно стать на ноги, чтобы начать мстить Сергею и Михаилу. Какая разница, как её при этом будут звать: Алиса или Анаит? Главное, что смерть Ники не останется неотмщенной!

Алиса не могла отделаться от ощущения дежавю. В пала-

те собралась знакомая публика: Яблочков, Даниил, родители Анаит – Эрмина и Николай Андриановы. Воистину место встречи изменить нельзя – та же палата, те же преисполненные надежды лица. Они даже стояли на тех же местах, что и в предыдущий раз.

И снова все собрались ради «беседы».

– Анаит, мы бы хотели продолжить наш предыдущий разговор, – сказал Яблочков.

Алиса привычно кивнула. Видимо Даниил сделал Яблочкову внушение, после припадка, свидетелем которого стал, и теперь каждый разговор, каждая «беседа» начинались с заверений в том, что волноваться не о чем, беседа – не экзамен, что не будет правильных или неправильных ответов, а значит нет причин волноваться и бояться.

Даниил стоял тут же, как и в прошлый раз. Молчаливая глыба уверенности и спокойствия. Он пришел в палату чтобы поддерживать Алису. Николай Александрович обнимал Эрмину Кареновну за плечи успокаивая, поддерживая и оберегая. А она доверительно прижималась к мужу. Необычная восточная красота досталась Анаит от матери, так же, как и смуглая кожа. На контрасте с нею невыразительная, среднестатистическая внешность Николая, казалась ещё более блеклой и незапоминающейся. Когда Алиса позже думала о нем, то не могла вспомнить ничего примечательного: средний рост, средний вес. Выглядел он лет на пятьдесят-пятьдесят пять, но оставался подтянутым и энергичным.

Видно, что родители Анаит вместе много лет и не потеряли теплоты в отношениях. Николай Александрович и Эрмина Кареновна пришли в палату ради дочери, но вместо поддержки ей, оказывали поддержку друг другу.

Что странно.

Если бы родители не любили Анаит, их отчужденность можно понять. Но Алиса видела, что им не плевать. Они беспокоятся, остро реагируют на все хорошее и плохое, что происходит. Мать постоянно поправляет постель и волосы, отец приносит цветы, держит за руку. К нелюбимой дочери так не относятся.

– Прежде всего, давай поговорим о твоём прогрессе, – отошел от привычного сценария Яблочков, и Алиса сдержала улыбку: конечно, давай поговорим о моих успехах, чтобы все собравшиеся знали, что не зря платят тебе зарплату. Особенно Даниил, которого доктор боялся. Хотя нельзя сказать, что он возился с Алисой только корысти ради. Яблочков довольно чуткий врач и в том, как он относился к лежачей пациентке, чувствовалась забота и желание помочь. Но Алиса отдавала себе отчет в том, что забота и желание помочь закончились бы параллельно с деньгами на лечение. Альтруизм не в моде в частных клиниках.

– Ты хорошо восстанавливаешься после перенесенного три недели назад припадка, – продолжил Яблочков, сверяясь со своими данными. – Вернулась подвижность в пальцах рук и ног, аппетит и ясность мысли, ты можешь слегка похло-

пать руками по кровати, время от времени шевелишь ступнями. Реабилитолог говорит, что если темп восстановления не снизится, то вскоре ты сможешь сгибать ноги в колене.

– Отличные новости! – обрадовалась Эрмина и потянулась, чтобы взять Алису за руку, но одернула себя и осталась стоять неподвижно. Только её теплый заботливый взгляд остался с Алисой.

– Ты у нас очень сильная, Анаит, – не без гордости сказал Николай, и крепче прижал к себе жену.

И Алиса снова задалась вопросом, что не так? Почему они ведут себя с дочерью как йо-йо? То порываются приблизиться, обнять, приласкать, то отдаляются, увеличивают дистанцию.

– Да, – кивнул Яблочков. – Темпы восстановления очень хорошие. Ребилитолог, Вениамин Филиппович, очень хвалит Анаит. Говорит, что давно не видел такой старательной пациентки.

Он бросил быстрый взгляд на Даниила, прежде чем продолжить:

– Обычно пациенты на реабилитации жалеют себя, не перетруждаются и из-за боли не хотят разрабатывать мышцы. Но только не Анаит. Она не только делает все, что предписывает Вениамин Филиппович, но и каждый раз просит увеличивать нагрузку.

Яблочков повернулся к Алисе и с отеческой теплотой спросил:

– Тебе очень не терпится встать на ноги, так ведь?

Такие нотки время от времени проскакивали в его голосе, и Алиса списывала все на то, что врач возился с Анаит больше двух лет. За такой долгий срок можно прикипеть душой не только к лежащему в состоянии овоща пациенту, но и к фикусу в углу комнаты.

– Да, – ответила Алиса, вместо кивка. В последние дни она старалась говорить почаще, чтобы разрабатывать речевой аппарат.

– Что ж, давай приступим к беседе, – мягко улыбнулся Яблочков, и спросил: – У тебя есть воспоминания о времени, предшествующем аварии?

Алиса замялась, не зная, что ответить, и доктору пришлось прийти на помощь:

– Ты помнишь, как ходила с мамой по магазинам?

– Нет.

– Первый раз, когда вы с отцом ходили в кино?

Алиса покачала головой. У неё нет и не могло быть таких воспоминаний. С родным отцом в кино не ходили, а с отцом Анаит так тем более. Она вдруг с удивлением осознала, что вообще никогда не ходила в кино. Ни с друзьями, ни с парнем. Никогда!

– Ваше первое с Даниилом Анатолиевичем знакомство? – продолжал Яблочков, и снова отрицательный ответ.

– Хорошо, – рассеяно пробормотал Яблочков, водя пальцем по экрану планшета.

– Что в этом хорошего? – эмоционально воскликнул Николай.

– Держите себя в руках и не пугайте Анаит, – спокойно велел Даниил, и, подойдя ближе, взял жену за руку. Несколько секунд Николай буравил его взглядом, но все же подчинился:

– Извините, больше не повторится.

– Все хорошо, – сказал Даниил Алисе, и она смогла разобратъ в его голосе теплоту, обращенную только ей. Хотя, может просто очень хотела это услышать и воображение помогло?

За последнюю неделю Алиса не раз чувствовала себя очень одинокой и даже брошенной. Не хватало необходимости кого-то любить, за кем-то ухаживать. Алиса не могла перестать реагировать на каждый шорох. Иногда даже просыпалась по ночам, от случайного шума, с мыслями о том, что нужно покормить Нику. И никак не могла понять почему руки не поднимаются. Да и ноги не двигаются. А потом реальность накатывала на неё, как товарняк на сладкую вату. И хотелось одновременно и разорвать каждого ублюдка, виноватого в смерти Ники, и рыдать, рыдать, рыдать! Пока сердце не вытечет из груди со слезами. А вместе с ним и боль. Желание мстить все перевешивало, и на утро Алиса приступала к тренировкам с удвоенным рвением.

Но когда заканчивались процедуры, тренировки, занятия с логопедом, помогающим восстанавливать речь, накатыва-

ло одиночество, чувство собственной ненужности, которое отступало, только когда приходил Даниил. Ему даже говорить не требовалось. Достаточно уже того, что он находился рядом, молчаливо поддерживая и перекладывая проблемы на свои плечи.

– Анаит, – снова заговорил Яблочков, – ты знаешь, что такое таблица умножения?

– Да.

– Два умножить на ноль? – без паузы спросил Яблочков.

– Ноль, – медленно, тщательно выговаривая каждую букву, ответила Алиса.

– Очень хорошо, – Яблочков снова сделал пометку и переключился на другую тему: – Ты помнишь фильмы или сериалы?

– Да.

– Ты знаешь, как выглядит рыба?

– Да.

Прошел ещё почти час таких вопросов, перемежающихся с вопросами, касающимися Анаит: помнит ли, сколько ей лет, как долго замужем за Даниилом, есть ли дети и так дальше. Вопрос про детей сильно взволновал Алису, поэтому стал последним. Даниил тихо ответил вместо неё:

– Детей пока нет, – в его голосе слышалось сожаление, но Алиса не знала, к чему оно относилось – к тому, что детей нет, или к тому, что Яблочков вообще поднял эту тему.

Яблочков закончил с пометками и наконец, заговорил:

– Анаит, я готов поделиться результатами осмотра и прошу отнестись к моим словам спокойно, – снова начал со слов успокоения Яблочков. – Два года назад ты попала в тяжелейшую аварию, и помимо других травм, получила и тяжелейшую черепно-мозговую травму. Следствием травмы стала диссациированная амнезия. Если объяснить по-простому, ты потеряла память, но не обо всем. У тебя сохранились большинство знаний, полученных за всю жизнь, но ты не помнишь ничего, что связано непосредственно с твоей личностью. Поэтому ты не узнала собственное отражение. Понимаешь, что я говорю, Анаит?

Алиса медленно кивнула. Вот, значит, к чему постоянные тесты и как медики объясняют то, что пациентка, выйдя из комы никого не узнает! Этот диагноз стал просто подарком свыше. Если бы не он, то сложно бы объяснить, почему Анаит до комы знала, только малавийский, а после вдруг заговорила на английском, русском и испанском. К тому же, наверняка будут те, с кем она дружила, но Алисе они будут не нравиться и наоборот. Судя по фото в Инстаграм, которое тогда показал Яблочков, Анаит довольно хорошо разбирается в кремах для лица или в видах покраски волос, но даже не представляет, как пожарить яичницу. И круг общения, вероятно, имеет соответствующий.

Возможно, родители Анаит так ведут себя, именно поэтому? Ведь если так подумать, то сейчас перед ними сидит тело, имеющее отношение к их дочери, а не она сама.

Но по здравом рассуждении Алиса отказалась от этой мысли. Если бы такая беда случилась с Никой, то она сделала бы все возможное, чтобы вернуть ей память. Не важно, что бедняжка помнит, а что нет. Ника все равно оставалась бы её дочерью.

– Анаит? – встревоженный голос Яблочкова прервал нить рассуждений. – Не расстраивайся из-за потери памяти. Вполне возможно, что это временно, и постепенно воспоминания о прежней жизни вернуться. Главное, что мозг пострадал не настолько сильно, как мы боялись, и двигательные функции тела можно восстановить на восемьдесят процентов точно. А то и на все сто. Понимаешь, о чем я говорю?

Алиса медленно кивнула.

– Семья поможет тебе встать на ноги и восстановить утраченные воспоминания, – приободрился Яблочков, видя, что обошлось без припадков. – Лечение не будет быстрым, но ты вернешься к привычному образу жизни... – Яблочков хотел сказать ещё что-то, но одернул себя и поправился: – Ты сможешь жить полной жизнью.

Интересно, о чем доктору запретили говорить? Или он просто боится, что-то ещё обещать? Боится последствий, если обещания не сбудутся?

Вместо ответа Алиса снова кивнула.

– Мы с тобой, родная, – все же схватила её руку плачущая Эрмина и поцеловала тыльную сторону ладони. – Мы тебя очень любим.

– Не плачь, – попросила Алиса. У неё сердце разрывалось от того, что приходилось обманывать бедную женщину. Она представить не могла, как будет смотреть всем в глаза, если однажды вскроется правда. Ей ли не знать, как болит сердце матери по потерянному ребенку? Это равносильно тому, что дочь умерла бы дважды.

Николай вытер скупую мужскую слезу. Алисе вдруг подумалось, что Анаит верно самая младшая в семье. Обычно отцы так трепетно относятся именно к младшим дочерям.

Даниил просто продолжал держать её за руку. Его не сдвинули бы с места ни потоп, ни ураган, ни землетрясение. А вот слова Яблочкова смогли:

– Анаит испытала сильный стресс от услышанного. Давайте оставим палату ненадолго, чтобы она могла отдохнуть перед процедурами.

Эрмина ещё раз поцеловала руку Алисы и пообещала:

– Я скоро приду, родная. Все будет хорошо.

Николай коротко пожелал:

– Отдыхай и поправляйся, – прежде чем взять жену за руку и вывести из палаты. От неё не укрылось, что он не попрощался ни с Яблочковым, ни с Даниилом. Или между ними ссора, о которой не говорят, или Николай собирался продолжить разговор, когда они покинут палату.

Яблочков вышел следом. Даниил заправил волосы ей за ухо, чтобы не мешали. И так это получилось – нежно, интимно, что Алисе захотелось схватить его за руку, удержать. Она

никогда не думала, что мир вокруг может становится светлее и теплее только от того, что кто-то стоит рядом.

– Поспи, – сказал Даниил вместо миллионов слов о любви. – Отдыхай, поправляйся, становись на ноги. Когда проснешься, я буду рядом. Не зависимо от того, вспомнишь меня или нет, я буду рядом. Всегда буду.

И тоже вышел из палаты. Алиса думала о нем, о том, как искренне, преданно Даниил любил Анаит. Ни авария, ни кома, ни два года безнадежного ожидания не смогли стереть это чувство из сердца.

Никто никогда не любил так Алису, и у неё даже проснулась глупая зависть. И сожаление от мыслей о том, что Даниил стал бы идеальным папой для Ники.... Если бы смог полюбить кого-то такого, как Алиса.

Мысли лихорадочно сменяли друг друга. То она думала о родителях, то о лечении и амнезии, то о Нике, то о мести. В конце концов, сильно разболелась голова, и Алису сморил тяжёлый сон.

ГЛАВА 4

Алиса обессиленно оперлась на Альберта Игнатъевича.

– Бесплезно! – сквозь слезы прошептала она. – Все бесполезно...

– Не говори так, – подбодрил рослый мужчина. – У тебя отличный прогресс...

– Хватит! – не выдержала Алиса.

Конечно, грубо с её стороны так прерывать, и физиотерапевт не заслужил такого отношения. Альберт Игнатъевич делал все возможное, чтобы поставить Алису на ноги и снова научить ходить. Не его вина, что спустя несколько шагов в ногах начинался тремор. Мышцы разучились правильно держать тонус, каждый шаг отзывался мучительной болью и сильным напряжением. Если бы Алису попросили описать её состояние, то она сказала бы, что правая нога слишком вялая из-за чего не удается даже толком согнуть в колене, а левая постоянно напряжена до такой степени, что каждый шаг отзывался болью не то, что в руках-ногах, даже в волосах! Из-за боли тело при движении перекашивало то в одну, то в другую сторону. В итоге либо Алиса падала от боли, либо от того, что не может опереться на ногу, потому что та безвольно сгибается.

Альберт Игнатъевич лишь хотел подбодрить, но сейчас слова физиотерапевта звучали как форменное издеватель-

ство. За четыре месяца, после пробуждения, все, чего Алиса смогла добиться – по большей части восстановить речь, начать садиться, практически самостоятельно есть, и ходить в туалет. Иногда во время еды начинался тремор в руках, и на помощь приходила медсестра. Бывали дни, когда занятий не проводили, потому что Алису буквально убивали адские головные боли, снять которые не получалось даже викодином.

Реабилитолог, Вениамин Филиппович, и Яблочков, чье имя отчество Алиса научилась выговаривать всего недели три назад – Игорь Гаврилович – хором заверяли, что с учетом всех повреждений и длительной комы выздоровление идет просто невероятно хорошо. Но чем больше времени проходило, тем меньше Алиса им верила. Каждый день она занималась с физиотерапевтом в зале, с реабилитологом на подвесной системе разгрузки веса, проводила по полчаса у массажиста, работала с логопедом и постоянно проходила новые процедуры. То в ванну положат, типа джакузи, то завернут в плотный материал, похожий на фольгу, набитую ватой, и начнут слабый ток пускать, то ещё что-то придумают. Но результаты были едва заметны.

Ей уже даже не стыдно признать, что руки опустились.

– А ну не ныть! – строго прикрикнул Альберт Игнатьевич. – Устроила тут...

– Но вы же сами видите, – шмыгнула носом Алиса, уже не так решительно. Появилось такое ощущение, что у физиотерапевта нужно просить разрешение поплакать. Он мужчи-

на волевой, решительный и вызывал внутренний трепет и невольное побаивание. Как директор школы или экзаменатор.

– Хватит мне тут сырость разводить! – не дал поблажку пациентке Альберт Игнатьевич. – Если хочешь жалеть себя, то иди в палату, забейся в угол и рыдай, пеняя на судьбу злодейку и надейся, что прилетит вдруг волшебник и подарит способность ходить.

– Но... – попыталась возразить Алиса.

– Никаких «Но»! – перебил Альберт Игнатьевич. – Только в сказке крестная фея машет палочкой и исполняет желания. А тут нужно работать!

– Я стараюсь... – принялась оправдываться Алиса.

– Ты ноешь, – с расстановкой поправил Игнатьевич. – Когда только пришла в зал – вот тогда старалась и выкладывалась по полной. Но с каждым днем прикладываешь все меньше усилий. Почему?

– Потому, что все бессмысленно! – ухватила за возможность высказаться Алиса. – Я стараюсь, все делаю, но сами видите, ничего не меняется! Я никогда уже не смогу ходить снова...

– Тогда уходи, – Альберт Игнатьевич подтащил Алису к инвалидному креслу, для передвижения по клинике и усадил.

– Я же как раз и хотела пойти в палату отдохнуть... – его слова сбили Алису с толку.

– Вот иди и отдыхай, – милостиво разрешил Альберт Игнатьевич.

– Только сегодня или и завтра тоже можно? – осторожно спросила Алиса.

– Да хоть до конца своих дней отдыхай, – рявкнул физиотерапевт. – И не трать больше мое время. Я лучше помогу тем, кто хочет жить, ходить, бегать, а не отдыхать!

Он повернул кресло с Алисой и подтолкнул к выходу. Там кнопка вызова медсестры, чтобы забирала пациентов после занятий. Но Алиса не покатила туда. Она понимала, что сейчас делал физиотерапевт – пытался встряхнуть пациентку, разозлить, заставить грызть землю зубами, лишь бы только доказать, что он ошибся. И у него получалось!

Алиса несколько секунд помолчала, затем сказала:

– Я хочу ходить. Я должна!

– Но ты же устала? – вкрадчиво напомнил он.

– Не настолько, – покраснев, ответила Алиса. – Давайте продолжим!

– Другое дело, – одобрительно проворчал Альберт Игнатьевич, поворачивая кресло с Алисой. – И чтобы больше я твоего нытья не слышал!

– Хорошо, – смущенно пробормотала Алиса.

Занятие с Альбертом Игнатьевичем продолжилось с того места, на котором прервалось. Но мысли Алисы неудержимо утекали в другом направлении. Как ни странно – к Даниилу. Вчера он принес элегантные черные лодочки на высокой

шпильке. До того клатч и телефон.

– Точная копия телефона, с которым ты не расставалась до аварии, – объяснил он. – Сюда скопировали всю информацию, какую только смогли извлечь из аппарата, разбившегося с тобой в машине. А клатч был с тобой в тот день. Удивительно, что он совсем не пострадал. Возможно, ты что-нибудь вспомнишь...

– Я что возвращалась с вечеринки? – с сомнением спросила Алиса. Недавно она поймала себя на том, что спрашивает о жизни Анаит так, словно о собственной. Хотя раньше старалась формулировать вопросы нейтрально. Раньше вопрос звучал бы не: «Я что возвращалась с вечеринки?», а «С такой сумочкой ходят по вечеринкам, я права?».

Алисе нравилась честность Даниила. Он ничего не скрывал и отвечал на все вопросы сразу же и максимально развернуто:

– Да, у вас с подругами был девичник. Ты сильно выпила и в итоге не справилась с управлением.

– Почему я нетрезвая села за руль? – эта часть истории никак не укладывалась в голове. Наверное, из-за того, что Анаит совершила поступок, который никогда не совершила бы Алиса.

– Потому, что всегда так делала, – не стал скрывать или приукрашивать правду Даниил.

– И меня что, никогда не штрафовали за вождение в нетрезвом виде? – удивленно вытаращила глаза Алиса.

Даниил снисходительно улыбнулся:

– Конечно, штрафовали. Даже лишили прав.

– Так я ещё и без прав ездила? – ахнула Алиса.

Даниил позволил себе улыбку:

– Отсутствие прав тебя не волновало. Ты просто делала, что хотела, и все.

– И куда меня это привело, – широким жестом обвела все вокруг Алиса.

В первые недели после пробуждения к Анаит в гости приходили родственники и друзья. Тогда Алисе казалось, что девушку все любят, значит она хороший человек. Но все куда прозаичнее. Намного позже оказалось, что Анаит из очень богатой семьи, да и замужем не за последним в Малавии человеком. Да что там в Малавии! Алиса с удивлением узнала, что у Даниила бизнес по всей Восточной Европе!

Как так получилось, что она раньше не слышала о нем? Её отец большую часть жизни вращался среди акул бизнеса. Если он не вел с кем-то дел, то точно знал в лицо, чем тот занимается и чем может быть выгоден или опасен для его бизнеса. Тут два возможных варианта – либо Даниил разбогател уже после смерти отца, либо его бизнес империя никак не пересекалась с бизнесом семьи Ухаровых. Что невозможно, ведь Даниил занимался гостиницами, и семья Алисы занималась, в том числе гостиницами. Разве только отец намеренно избегал контактов с Даниилом. Но почему?

Ещё одна загадка, которую загадал новый муж.

Даниил вел себя с Алисой так, словно знал всю жизнь, хотя, по сути, они друг другу чужие. Порой становилось странно и немного неудобно. И дело даже не в том, что Алиса практически не знала того, кто теперь стал ей мужем. Открой тогда в палате глаза потерявшая память Анаит, то ничего не изменилось бы. Даниил умный мужчина и не может не понимать, что женщина, очнувшаяся после комы, в любом случае ему чужая и у него нет права обнимать, говорить, как с женой, строить планы на будущее.

Тогда почему продолжает обнимать, говорить, строить планы?

Судорога в ноге прервала размышления. Альберт Игнатьевич тут же уложил Алису на мат и начал растирать ногу.

– Ничего страшного, просто судорога. хороший знак! – приговаривал он, чтобы успокоить.

– Что тут происходит? – прозвучал над ними холодный голос Даниила.

– Судорога в правой ноге, – машинально ответил Альберт Игнатьевич. – Хороший знак.

– Что в этом хорошего? – сел рядом Даниил и подложил Алисе под голову пиджак.

– Судорога – произвольное судорожное сокращение мышцы, – сосредоточенно разминая ногу, ответил физиотерапевт. – Если мышцы в ноге реагируют на внешнюю стимуляцию, значит, ещё не атрофировались. Мы на правильном пути!

– А путь может быть менее болезненным? – спросил Даниил, убирая волосы, прилипшие к вспотевшему лбу Алисы. Судорога пошла на убыль, но все тело болело после занятий, и она не торопилась вставать.

– Ещё один, – фыркнул Альберт Игнатьевич, продолжая массажировать ногу. – Тут вам не кино, где в замедленной съемке показывают какую-нибудь тренировку, несколько вдохновляющих речей и вот уже вчерашняя калека скачет козочкой по горам, а все восхищаются тем, сколько силы воли и мужества потребовалось, чтобы снова стать на ноги. Тут нужно пахать, до боли, до кровавых мозолей и не сдаваться, когда больно. Нужно превозмогать себя, чтобы начать ходить. И вы должны не жалеть её, а поддерживать. И не давать опускать руки.

Альберт Игнатьевич встал:

– На сегодня все. Жду тебя завтра в то же время.

– Я приду, – пообещала Алиса.

Махнув рукой на прощанье, физиотерапевт вышел.

– Хочешь, его заменят? – спросил Даниил.

– Нет, – отмахнулась Алиса. – Он мне нравится – хороший дядька. Если кто и поставит меня на ноги – то он.

– Раз ты довольна, то и я доволен, – пожал плечами Даниил и помог Алисе сесть. – На сегодня все?

– Нет, ещё массаж, – вздохнула Алиса. – Помоги сесть в кресло.

Даниил взял её на руки так легко, словно держал не жи-

вого человека, а какое-нибудь пальто, и перенес в кресло. Устроив поудобнее, спросил:

– Куда вас доставить, госпожа?

– Я бы не отказалась от ужина в ресторане «Нисуаз», – пошутила Алиса. – Но обойдусь сеансом массажа на втором этаже.

Даниил издал короткий смешок, оценив шутку, про самый дорогой ресторан Малави, и спросил:

– Всегда интересно, как придумывают такие названия. «Нисуаз» ... – последнее слово он произнес медленно, почти нараспев, будто пытаясь распробовать. Он вкатил кресло с Алисой в лифт и вошел следом.

– «Нисуаз»? – зачем-то переспросила Алиса и объяснила Даниилу: – Это известный французский салат. И заодно – коронное блюдо в ресторане. Шеф повар готовит его по новому рецепту, который каждый сезон меняется.

– Откуда ты знаешь? – удивленно спросил Даниил, нажав на кнопку второго этажа.

– Просто вспомнилось, – смущенно пожала плечами Алиса, не зная, что ещё, можно ответить. Не рассказывать же, что сейчас там работает шеф-поваром её бывший одноклассник, а она с детства частенько ужинала там с семьей?

– Хорошо, что память к тебе возвращается, – фальшиво обрадовался Даниил. За этой радостью что-то было. Один из множества секретов, скрывавшихся за спокойным, невозмутимым фасадом.

Двери лифта открылись, и Даниил молча выкатил кресло на мощёный дорогой плиткой пол этажа. Затем также ничего не говоря привез в кабинет массажиста.

Ангелина Велизаровна уже ждала Алису. Даниил помог пересадить её на кушетку, и устроиться поудобнее. Узнав, сколько времени займет массаж, на всякий случай рассказал о том, что у Алисы случилась судорога в правой ноге и ушел. Ангелина Велизаровна с помощью ассистентки помогли Алисе раздеться и лечь. Обычно массаж длился около часа иногда больше. Помимо всего прочего, в кожу втирали ароматические масла, способствующие активизации кровотока и мышечной активности.

– Приступим? – спросила Ангелина Велизаровна.

– Подождите! – спохватилась Алиса. – Мой плеер! Там, в кармане брюк!

– Та должна расслабляться, а не слушать какой-нибудь рок или фолк или поп...

– В плеере записана не музыка, а книга, – пояснила Алиса. – Мой нейрологопед, Чеслав Леонтьевич, посоветовал слушать их, чтобы увеличивать словарный запас, и чтобы поддерживать мозг в тонусе. Сказал, что это дополнительное упражнение на концентрацию, внимание и развитие памяти.

И ведь почти не соврала. Он и правда советовал слушать информацию через наушники, и рекомендовал аудиокниги. Даже написал список. Алиса прочитала каждую и хорошо помнила сюжет. Так что вполне могла сойти за только что

прослушавшую их женщину с расстройством памяти.

– Ну... ладно, – нехотя согласилась Ангелина Велизаровна. Женщина подала Алисе плеер и помогла включить. Здесь и правда записаны новости, но не все подряд, а все, что удалось найти о конкретных личностях, которые Алиса выбрала в интернете и скачала на плеер, чтобы послушать. К счастью ноутбуком можно худо-бедно пользоваться и одним пальцем. Так что ни тогда, когда реабилитация только начиналась, ни тем более теперь, когда руки уже слушаются, посторонняя помощь не понадобилась, и никто не узнал о том, что вернувшаяся из небытия Анаит Князева интересуется шестью вполне конкретными мужчинами.

О ком-то информации очень много, о ком-то совсем крупинки. Но Алиса скрупулёзно собирала все видео, конвертировала в аудио, и перекидывала на плеер, слушая, изучая, анализируя. Чтобы бить врага, нужно найти его слабые точки.

Мало просто отнять бизнес. Нет! Алиса собиралась бить по самому больному, отбирать то, без чего лучше вообще не жить. Она выросла среди этих людей, и лучше любого другого человека могла найти их слабые места.

Определив цель, нужно ещё и выбрать способ, как к ней подобраться, понять, какими ресурсами Алиса теперь обладает и что можно сделать, чтобы никто не понял, чьих рук дело все происходящее. Если выйдут на Анаит, то пострадают и Андриановы, и Даниил, и неизвестно ещё кто. Этого

нельзя было допустить. Они кажутся хорошими людьми и не заслужили такого.

К тому же, пока есть возможность обойтись своими силами, не стоит втягивать их в чужую войну. Чем меньше случайных жертв – тем лучше. Им нечего делить с этой сворой.

Благодаря прослушанным записям, Алиса смогла определить для себя первую жертву, так сказать – Иван Рыжов. К нему проще всего подобраться и легче ударить. На родине, в России, он практически неприкосновенен, потому, что щедрою рукою раздает взятки и откаты. И не раз этим хвастался деловому партнеру и «братюнечке» Артуру Ухарову в присутствии Алисы. Более того, игорный магнат – как он сам себя величал – поучал Артура, все время пытался втянуть в многочисленные грязные делишки. Отец стойко держался и проводил четкую черту, пока дела в бизнесе шли хорошо. Но когда фортуна отвернулась, поддался соблазну и начал давать взятки и откаты.

Однако, что позволено игорному магнату в России, для крупного бизнесмена в Малавии – смерть.

Алиса хорошо помнила, как все произошло. Разве такое забудешь? Подобные события врезаются в память, также легко, как горячий нож в масло. Проходят годы, но воспоминания не блекнут. Их то и дело возвращает к жизни то какое-то слово, звук или запах.

Семья Ухаровых собралась за семейным столом, чтобы отпраздновать первую беременность Алисы. Гости уже зна-

ли, что под некоронованным королем гостиничного и игорного бизнеса Малави шатается трон.

Да не просто шатается!

Враги уже спилили одну из ножек, и сейчас активно пилят следующую. Если им удастся, то власть монарха падет. Однако Артур Ухаров держался так, словно ничего не происходит. Уверенно улыбался, бодро проводил встречи и собрания, жил и работал в том же режиме, что и раньше... Все говорило в пользу того, что стратегия выхода из кризиса разработана и успешно запущена в работу.

На все вопросы Алисы отец беспечно отмахивался:

– Брось, это не самая страшная передрыга, в какой мне доводилось побывать за прошлые годы. Это даже неприятностями не назовешь. Так... небольшой кризис...

Отец врал. И Алиса всему верила.

Она так хотела быть обманутой, что даже не пыталась осмотреться вокруг и вникнуть в суть происходящего. Удобно перекладывать ответственность за жизнь и благополучие на кого-то другого. Не нужно ни о чем переживать, заботиться, ничем не нужно заниматься. Однако такая жизнь – просто смерть замедленного действия. Когда ты ничего не решаешь, то ни на что и не влияешь. Твое мнение никого не интересует, твои проблемы решаются в последнюю очередь, твои интересы не учитываются.

Жизнь преподала Алисе урок – болезненный, но хорошо усваиваемый. В трудную минуту можно рассчитывать на

поддержку разве что позвоночника.

В её глазах отец был не просто царем, богом! Непоколебимым титаном, держащим на плечах небо. И ничто не способно его пошатнуть – ни дождь, ни снег, ни солнце, ни ветер. Ему невозможно перечить или возражать – с тем же успехом можно покричать на стену или поговорить с рекой, чтобы убедить повернуть воды вспять.

Гром грянул именно за тем ужином. Точнее, грянула шумовая граната. Потом в столовую повалил едкий дым, из-за которого невозможно дышать, и очень слезились глаза. Со всех сторон кричали, раздавались приказы бросить оружие и перестать оказывать сопротивление, ещё что-то, что в общем гвалте невозможно разобрать.

Кто-то заломил Алисе руки и вывел из столовой. На свежем воздухе, когда в глазах немного прояснилось, она увидела ужасную картину: всю охрану скрутили и положили лицом в землю на поляне перед домом; слуги были тут же, гостей и членов семьи, как и саму Алису, заковали в наручники и рассадили по полицейским машинам. Последним, что она запомнила, прежде чем двери закрылись и её повезли в участок – был отец, которому зачитывали права и надевали наручники.

Алиса никогда и никому не поверила бы, что такое возможно. И судьба выбрала надежный способ доказать, что возможно все. В тот день был не просто закат эпохи, весь мир стал свидетелем того, как титан пал.

Не под напором обстоятельств, нет.

Алиса точно знала, что виноваты не обстоятельства, а люди. Виноваты нечестные на руку партнеры, разорвавшие построенную Артуром Ухаровым империю на части, а после избавившиеся и от него. Видимо, отец до последнего верил, что бывшие друзья и соратники удовлетворятся теми кусками, которые уже отщипнули. Ему стоило помнить, что шакалы, почуяв раненное животное, никогда не отступят. Они выждут момент, и когда животное уже не сможет сопротивляться, добьют. Или просто дождутся смерти. Но не отступят.

Сейчас трудно говорить, как все могло обернуться если бы отец не последовал настойчивым советам Ивана Рыжова и не начал давать взятки. Возможно, со временем Ухаров-Корп стал бы на ноги, а, может, пошел ко дну ещё быстрее. Также Алиса не могла с уверенностью сказать, действовал ли Рыжов по собственной инициативе, или был в сговоре с остальными. Да и зачем? Все уже произошло. И теперь Рыжову придется столкнуться с последствиями.

Не русский игорный магнат запустил цепь событий, приведшую к смерти Ники. Но он стал одним из важных звеньев. И теперь поплатиться всем, что дорого – деньгами, властью, а затем и собственной жизнью. Вот и все, что представляло ценность для этого дождевого червя. Все остальное по его же словам, можно купить или заменить.

Отец верил одному из первых деловых партнеров, нико-

гда не обманывал и не «кидал» на деньги. Ему казалось, что и у Рыжова достаточно причин сохранять верность их союзу: Артур Ухаров начал работать с ним тогда, когда никто не хотел, когда все в Малавии и дальше по Восточной Европе воротили от нувориша, сколотившего деньги на крови и наркотиках, нос. А из-за прочных связей с криминалом, от Рыжова шарахались, как от прокаженного. Жизнь научила Артура не мерять всех по себе. Правда, дорого взяла за этот урок.

Отец получил от первого партнера несколько ножей в спину и сказал Алисе, что сам их заслужил. И она была с этим согласна.

Ему стоило уйти на покой, передать Михаилу дела, ведь сын был жестче в принятии решений, агрессивнее в ведении бизнеса, и смотрел на вещи свежим взглядом. Он мог вдохнуть новую жизнь в семейное дело Ухаровых.

Но отец не видел достоинств сына из-за гордости и жадности до власти. Артур Ухаров часто принимал неправильные решения, проявлял слабость, из-за чего страдали все вокруг. Отец окружил себя ненадежными партнерами, которые рано или поздно предали бы его, не укрепил тыл, не подготовил пути к отступлению. Если бы он был жив, то имя Артур Ухаров стояло бы седьмым в её списке.

Под конец жизни отец много о чем говорил Алисе. Рассказал о том, чего она мечтала не знать, о темных секретах, о своих порочных слабостях. В конце пути Артур Ухаров ре-

шил исповедоваться. Его тяготили даже не совершенные грехи, и преступления, на которые он шел, строя бизнес, а то, что в итоге все оказалось напрасным. Каждое преступление и каждая сделка с совестью – все напрасно. УхаровКорп развалилась, и он не мог найти в себе силы пережить потерю. Или не хотел.

Кому ещё он мог об этом рассказать? Никому. После того, как короля свергли с трона, все от него отвернулись, даже родной сын. Михаил ссылался на постоянную занятость, на необходимость спасать то, что ещё можно спасти. Но правда в том, что отец стал отработанным материалом. Сейчас Алиса все понимала, а тогда находила объяснения поведению брата, старалась выгородить, прикрыть, защитить.

Отец несколько раз порывался изменить завещание, написанное в пользу старшего сына. Хотел оставить все, что имеет Алисе в наследство. Случись так, она не дожидаясь даже до родов. Но ангел-хранитель уберег.

Алиса каждый раз отговаривала отца, потому, что считала, что замужем за состоятельным человеком, и будущее обеспеченно. А вот Михаилу потребуются все ресурсы, чтобы устоять на ногах. Да даже если брак даст трещину, то разве старший брат не поддержит попавшую в беду сестру?

Теперь от таких мыслей становилось смешно. Теперь, она сопоставляла в голове факты, видела не отдельные эпизоды, а весь спектакль, разыгранный как по нотам. Доверчивость и вера в людей дорого ей обошлись.

Пришла очередь и остальным заплатить по счетам.

Ангелина помогла Алисе снять наушники:

– Ну, вот и все, – бодренько сказала она, и спросила: – Как книга?

– Ничего, – ответила Алиса, слегка улыбнувшись. – Мне интересен главный герой. Его жизнь вот-вот круто повернется, но он об этом ещё не знает.

– А что за книга? – как бы между прочим спросила Ангелина, помогая одеться.

– «Граф Монте-Кристо», – ответила Алиса.

Практически сразу после того, как Ангелина закончила с одеждой в кабинет постучали. Алиса знала кто, ещё до того, как двери открылись, и вошел Даниил. Он проводил с восставших из мертвых женой каждую свободную минуту, иногда просто смотрел и часто прикасался. Как будто до сих пор нуждался в подтверждении того, что она правда здесь, что ему не мерещиться.

Первое время Алиса радовалась его поддержке и участию; тому, что есть с кем поговорить. С родителями Анаит трудно общаться – они искали дочь, пытались рассмотреть её в улыбке, услышать в словах, узнать во взгляде. Невыносимо каждый раз видеть их разочарование. А вот Даниил соглашался на все, что дают и не ждал от неё общих воспоминаний, не вглядывался, надеясь увидеть что-то из прошлого, не ждал, что она будет вести себя так, как вела Анаит.

Сейчас Алиса чувствовала себя виноватой перед ним. Да-

нии́л не говорит, что очень любит Анаит, что она для него все. Вместо него говорят дела. Он терпелив, проявляет понимание и рад уже тому, что жена очнулась. Но так будет не всегда. Однажды он устанет ждать возвращения той женщины, которую так сильно любил, однажды станет ясно, что Анаит – мертва и ждать её воскрешения не стоит. И даже представить страшно к чему это приведет.

– Как прошел массаж? – спросил Даниил, пересаживая Алису в кресло.

– Все хорошо, – привычно ответила Алиса, и зачем-то добавила: – Даже слишком. Я так расслабилась, что сейчас больше похожа на желе.

Ангелина Велизаровна рассмеялась.

– Мышцы восстанавливаются, – сказала она, – и все быстрее. Посмотри на себя! Пару месяцев назад, ты и слова такого выговорить не могла – «расслабилась». А теперь щебечешь как пташка.

Алиса смущенно улыбнулась, очень радуясь в душе. Ей нужно услышать слова ободрения.

– Чеслав Леонтьевич очень хвалит Анаит, – подхватил Даниил, и в его голосе слышалась гордость. – Он говорит, что на его памяти никто так быстро не восстанавливал речь.

Алисе стало приятно, что Даниил гордиться её успехами и неловко в то же время. Она все не могла понять, как относится к таким проявлениям близости на людях. Вроде они муж и жена, но в то же время абсолютно чужие друг другу.

– Наверное, книги, которые он посоветовал читать, помогли, – предположила Ангелина Велизаровна.

– Книжки? – удивился Даниил.

– Да, – подтвердила Ангелина Велизаровна. – Сегодня Анаит слушала «Графа Монте-Кристо».

– Книжки? – снова удивленно повторил Даниил. – «Граф Монте-Кристо»?

– Да, – подтвердила Алиса, слегка нахмурившись. Раньше, если она говорила, что прочитала какую-то книгу, никто так не реагировал. – А что такое? Тебе не нравится эта книга?

– Нет, – неловко ответил Даниил. – Книга вполне ничего, хотя у Дюма мне больше нравятся «Королева Марго» и «Три мушкетера». Но... просто... На моей памяти ты никогда ничего не читала, кроме постов в Инстаграме.

Алиса не знала, что ему ответить и просто пожала плечами. Попрошавшись, Даниил вывез её из кабинета и повез в соседний корпус, в палату.

– И как тебе книга? – спросил он по дороге. И Алиса задалась вопросом: неужели Анаит настолько глупа, что любое проявление интеллекта так удивляет и шокирует Даниила?

– Какой я была? – вместо ответа спросила Алиса. Ей на самом деле интересно. К тому же, раз уж придется играть в игру, то нужно хотя бы разузнать, какие карты выпали при раздаче.

– Ты... – Даниил замялся. – Ты любила ходить по ночным клубам и тусовкам. Твой шкаф дома поделен на два отделе-

ния – повседневная одежда и клубная. А ещё ты обожала гулять по магазинам. Ни дня без шопинга... Ты делала много фотографий для Инстаграма. Раньше вела и твиттер, но забросила аккаунт потому, что там у тебя никак не получалось набрать подписчиков.

Алиса сморщила носик. Пока все не слишком увлекательно. Хорошо, что у неё «амнезия» и черепно-мозговая травма, из-за которых «личность почти наверняка изменится, появятся новые привычки и вы можете не узнать прежнюю Анаит».

– А чем я увлекалась? – попыталась найти хоть какую-то точку соприкосновения с нынешней оболочкой Алиса. Про себя она только так и называла тело Анаит. Так легче. В противном случае появлялось глупое чувство вины. Как будто она заняла чье-то место, украла чью-то жизнь.

– Ну... – протянул Даниил, и по затянувшейся паузе Алиса поняла, что он старается что-то вспомнить, но ничего на ум не приходит. Наконец, его осенило: – Ты занималась фитнесом!

– И все? – не смогла скрыть разочарования Алиса. – Может я любила готовить?

– Готовить? – удивился Даниил. – Да ты почти ничего и не ела, боялась фигуру испортить.

– А почему я не читала?

Вдруг стало так стыдно, будто не совершенно чужая и незнакомая женщина не умела готовить и не любила читать,

а она сама, и Алиса с досадой воскликнула:

– Боялась, что заведутся мозги и придется их краской для волос с амиаком выжигать?

Даниил не сдержал смешок, но быстро взял себя в руки. Он остановился и, обойдя кресло, присел перед Алисой, чтобы взять за руки и, глядя в глаза сказать:

– Может ты и не самый начитанный и талантливый человек, но тебя однозначно нельзя назвать глупой или плохой. Ты всегда умела просчитать наперед любую ситуацию и извлечь из неё максимальную выгоду. К тому же ты не сделала никому ничего плохого.

– Водитель, в которого я врезалась, с тобой согласился бы? – задала неудобный вопрос Алиса.

Даниил не нашелся что ответить. Он молча встал и снова обошел кресло.

Дальнейший путь до палаты они проделали молча. Наверное, он знал, что рано или поздно эта тема всплывет. Или надеялся, что после выздоровления Анаит будет прежней – пустоголовой и ограниченной. Вот почему он удивился, когда узнал, что супруга читает.

У неё чесался язык спросить: сильно ли он разочарован? Но Алиса промолчала. Не то время. Не то место. Не та жизнь.

Были и другие вопросы, но вряд ли Даниил захотел бы на них отвечать. А она не уверена, что так уж хочет знать ответы. Одиночество накатило со страшной силой, сжав серд-

це в тиски. Трудно быть одной, постоянно оставаться на чеку, следить, чтобы не сболтнуть лишнего. Она так устала притворяться Анаит, слушать слова, предназначенные другой женщине, учиться быть ею. Тяжкий груз лежал на плечах, и спина под его весом начинала прогибаться.

Уже перед самой дверью, там, где привычно ждала медсестра, для каждодневных ваннных процедур, которые Алиса все ещё не могла выполнять сама, Даниил остановился на таком расстоянии, на котором их видно, но не слышно. Снова обошел кресло, присев перед Алисой, и глядя в глаза сказал:

– Так ли важно, каким человеком ты была тогда? Той женщины больше нет. Да тебе и не обязательно быть той Анаит, которую все знали. Ты – это только ты. Не бойся жить. Не бойся стать на ноги и идти. Не бойся падать. Я всегда тебя подхватчу.

Алиса не знала, что сказать, и он, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Да, ты не справилась с управлением. Так ли важно почему? Все ошибаются. И те, кто глупее тебя, и те, кто умнее. Не ищи оправданий своим поступкам в прошлом. Оно уже никогда не изменится. Попробуй подумать о будущем. Только от тебя зависит, какая женщина в него шагнет. Не вини себя в произошедшем. Ты пережила ад и продолжаешь в нем жить, искупила вину и больше так не поступишь. Небеса дали тебе второй шанс. Не пытайся оправдать чьи-то ожидания. Будь собой. Больше ты никому ничего не должна.

Это именно те слова, которые ей нужно было услышать. Слова, предназначенные не Анаит, а Алисе. Всего несколько предложений помогли воспрянуть духом.

Наклонившись вперед, Алиса молча обняла его, глотая слезы. Возможно это не навсегда, возможно, когда Даниил поймет, что жена никогда не будет прежней, никогда к нему не вернется, он охладет и исчезнет из жизни Алисы. Но сейчас он был единственной опорой, силой, толкающей вперед, когда уже нет сил идти.

ГЛАВА 5

Определившись с первой жертвой, Алиса сосредоточила внимание на Иване Рыжове. Он был первым партнером отца и одним из самых близких друзей. И его предательство сильно ударило по фирме Ухаровых.

Хотя если бы не отец, то он вообще не смог бы попасть в Малавию, а через неё и в Восточную Европу. Никто не хотел брать Ивана Рыжова в партнеры, потому, что знали, что однажды все закончится так, как закончилось для Артура Ухарова. Но отец в него поверил, вместо того, чтобы гнать взащей.

Месть Рыжову казалась довольно простым делом, если найти того, через кого действовать. И в этом пункте начались проблемы.

Алиса оказалась в затруднительном положении: нужно использовать кого-нибудь из окружения Анаит и семьи Андриановых. Кого-то, с кем она хотя бы время от времени виделась и возобновление знакомства не вызовет подозрений. Но кто станет исполнителем?

Как выбрать надежного человека, если она даже не знает из кого выбирать?! Какой круг знакомств Анаит имела? Как незаметно поговорить с человеком находясь здесь, в больнице?

Пока что задумка оставалась невыполнимой задачей.

Алиса решила разбираться с проблемами по мере поступления. Начинать следует с изучения того, какой жизнью жила Анаит: где училась, с кем дружила, с кем росла. Любой случайный или давний знакомый мог оказаться очень полезным. У Алисы даже сформировался план действий: просмотреть соцсети Анаит, найти друзей-знакомых, через интернет узнать кто чем дышит, сделать вид, что кого-то вспомнила и попросить пригласить в гости.

Но от неплохой в сущности идеи быстро пришлось отказаться. Соцсети Анаит просто какой-то ад перфекциониста! Эта женщина постила вообще все, что видела: еду, себя на фоне еды, себя поедающей еду, себя поедающей еду и дающей комментарии о вкусе, цвете и консистенции, себя в гардеробной, себя примеряющей разную одежду, себя в саду, на фоне цветов, с цветами или садовыми скульптурами, в машине, за рулем, на пассажирском сиденье, на заднем сиденье, на капоте... список можно продолжать бесконечно.

Анаит просто помешана на внешности и на том, чтобы все видели какая она роскошная женщина. Месяцами листать мусор в надежде найти бриллиант – гиблое дело! У неё в друзьях десятки тысяч людей! Алисе просто жизни не хватит все просмотреть!

К тому же, чем больше фотографий просматривала, тем очевиднее становилось, что вряд ли у Анаит будут знакомые, через которых получится навредить Рыжову.

Пора менять подход или разрабатывать новый план.

Устроив мозговой штурм, Алиса все же придумала, как обойти сложившиеся препятствия.

Есть человек знающий Анаит лучше всех, человек, воочию наблюдавший как она росла и способный рассказать все и о школьных годах, и о том, где училась, кем были её друзья, с кем проводила время. И этот человек будет рад поговорить. Эрмина Кареновна Андрианова – мама Анаит.

Правда, Алиса не представляла, как с нею говорить, ведь с родной матерью у них сложились очень прохладные отношения. Воспитание сводилось к проверке успеваемости в школе и уроку манер два раза в неделю. Ах, да! Не забыть ещё постоянные напоминания о том, что женщина должна делать ради семьи: вести себя достойно, выглядеть элегантно, выполнять волю старших, поступать во благо близких. В остальное время Алисой занималась гувернантка.

Как обращаться к маме Анаит: на «вы» или на «ты»? Называть ли «мама»? Даже в мыслях звучит невероятно дико! Обращаться Эрмина Кареновна, по имени отчеству, как Алиса обращалась к родной матери? Но судя по увиденным общим фотографиям в соцсетях, Анаит и Эрмина очень близки! Вряд ли она так обращалась к матери.

Около недели Алиса раздумывала о том, как лучше поступить в данных обстоятельствах.

Эрмина Кареновна частенько приходила в гости, пока Алиса не начала снова говорить и не обрела некую самостоятельность. Потом визиты стали более редкими и сейчас по-

что полностью прекратились.

Алиса не понимала почему. С одной стороны, невооруженным взглядом видно, как больно ранит Эрмину Кареновну то, что дочь её вообще не помнит. Видимо, мать надеялась, что уж семью-то Анаит точно вспомнит! Но проходило время, становилось все очевиднее, что у них нет ничего общего.

Неужели она перестала навещать родную дочь из-за этого?

Бред!

Алиса сама мать и уверена в том, что окажись в такой же ситуации, не стала бы придавать значение тому, что Ника помнит, а что нет. Она боролась бы за каждое воспоминание, а если они так и не вернуться, то сделала все возможное, чтобы снова сблизиться. Так почему Эрмина Кареновна, фактически отказалась от дочери?

Ответ прост: причина в чем-то, чего Алиса не знала. Поговору или по молчаливому согласию, окружающие что-то скрывают. И это явно связано с Даниилом. Они практически никогда не появлялись в палате вместе и не упоминали друг друга в разговоре. Возможно, он запрещал родителям навещать Анаит?

Но зачем?

Глупо сидеть и просто ждать. Эрмина Кареновна могла прийти, а могла и не прийти. Поэтому Алиса взяла дело в свои руки и пригласила её в гости, если можно так сказать.

Возможности самой связаться с новыми родителями не существовало. Пришлось использовать доступные способы.

Больничная палата почти стала домом: ежедневные процедуры сродни походу на работу; медсестры и врачи – единственные друзья. И, конечно, Даниил. Он приходил почти каждый вечер, и проводил вместе каждое воскресенье. Когда Алиса разрабатывала мелкую моторику рук, покупал настольные игры; когда училась писать, принес раскраску-антистресс и помогал держать кисть и выводить линии; когда училась говорить, задавал вопросы, вынуждая отвечать и практиковаться.

Сейчас она учится ходить, и Даниил ничем не может помочь. Но он все равно постоянно рядом: поддерживает, хвалит за успехи, терпеливо сносит все истерики из-за того, что что-то не получается. Алиса уже просто не представляла день без него. Иногда сама звонила ему, чтобы похвастаться успехами или просто поговорить. И у него всегда находилось время выслушать или просто поболтать.

Алиса решила обратиться к нему за помощью. Пока что Даниил ни в чем не отказывал. К тому же по его реакции станет ясно: действительно ли он запрещает родителям Анаит приходиться, или у них свои причины. Можно, конечно, спросить напрямую. Но Алиса пока не решалась. Да и кто гарантирует правдивость ответа? Лучше понаблюдать и сделать собственные выводы.

Когда вечером Даниил пришел в палату, привычно поце-

ловав в щеку, и начал расспрашивать, как прошел день, Алиса отмахнулась:

– Такой же день, как и вчера. Гидротерапия пока даётся с трудом, но Альберт Игнатьевич говорит, что от неё будет больше проку. В воде задействуются те группы мышц, что сейчас почти неактивны. Невролог мамой клянётся, что моё состояние улучшается. Яблочков в целом очень доволен. Я иду на поправку.

Алиса уже ела нормальную еду, правда, с поправкой на диету, поэтому, когда Даниил приходил, они ужинали вместе. В палате сервировали небольшой круглый столик, как в итальянских ресторанах, и ставили пару деревянных стульев. Создавалось ощущение уюта, сглаживалась больничная атмосфера. Для закрепления эффекта в центр столика ставили небольшую вазочку с искусственными цветами, очень и очень похожими на настоящие.

Данилу всегда подавали мясо с гарниром, приготовленное по-разному, а Алисе вареные овощи, вареное мясо, рыбу или печень. Питание, как у ребенка, которому делают прикорм или у человека, имеющего сильные проблемы с желудком. Лучшая альтернатива питанию через трубку, и обычно Алиса ела с удовольствием.

Однако сегодня из-за предстоящего разговора сильно нервничала, и кусок не лез в горло. Поковыряв салат из овощей, отставила в сторону. Взялась за паштет из вареной печени с гарниром. Но и тут получилось осилить лишь пару

кусочков.

Все время Алиса думала только о том, как попросить у Даниила помощи, и никак не могла подобрать слов, чтобы заговорить.

– Что случилось? – в конце концов, не выдержал он.

– С чего ты взял, что что-то случилось? – в последнюю минуту струхнула Алиса и попыталась уйти от разговора. – Все нормально.

– Я же вижу, что ты нервничаешь, – не позволил проделать маневр уклонения Даниил. – Почти не ешь, дергаешься, отвечаешь невпопад. Что случилось? О чем ты думаешь? Ты что-то вспомнила? Это тебя беспокоит?

– Нет, – покачала головой Алиса.

– Плохие новости от врачей? – нахмурился Даниил и подвинулся ближе.

– Слава богу, нет!

Алиса по-настоящему радовалась тому, что плохих новостей действительно нет. Ей уже не вмоготу эта беспомощность, больница, лекарства и режим жизни. Хотелось почувствовать себя живой и свободной, прогуляться в парке на своих двух, пройтись по пляжу.

– Тогда что тебя так беспокоит? Кто-то сказал или сделал что-то обидное?

Алиса поняла, что Даниил не отстанет, и решила, что раз выбора все равно нет, то лучше сразу откровенно поговорить, и спросила:

– Даниил, почему... – тут она непроизвольно запнулась, ведь все ещё чувствовала неловкость называя родителями тех, кого пять месяцев назад даже не знала. Но смогла перебороть себя: – Почему родители не навещают меня?

– Что?

Вопрос застал его врасплох. И Алиса попробовала объяснить внезапность такого интереса:

– Раньше они приходили чаще, особенно... мама. Но их вот уже месяц нет. Случилось что-то, о чем я не знаю? Или их разочаровало то, что процесс выздоровления идёт так медленно?

Алиса специально задала вопрос так, чтобы вынудить Даниила оправдываться. В такие моменты люди часто говорят то, чего не планировали. Приём Алиса подсмотрела у отца, наблюдая за тем, как Артур Ухаров разговаривает с подчинёнными.

Даниил отложил приборы и пересел так, чтобы взять её за руки:

– Анаит, в том, что Эрмина Кареновна и Николай Александрович сейчас не приходят в больницу, нет твоей вины. Им... – Даниил замялся, тщательно подбирая слова, чтобы не взболтнуть лишнего: – тяжело находиться возле тебя...

– Из-за того, что я их не помню? – прямо спросила Алиса.

– Нет, – после небольшой паузы ответил Даниил. – С этим они уже смирились, насколько я понял. Они рады тому, что их дочь идёт на поправку, и постоянно звонят Яблочкову,

чтобы узнать о новых успехах.

Дела Андриановых настолько противоречили этим словам, что Алиса невольно спросила:

– Но почему тогда они даже не звонят мне? Почему не приходят?

Даниил замялся, не зная, как правильно сформулировать ответ и в который раз невольно подтверждая, что есть тайна, о которой по тем или иным причинам окружающие молчат. Наконец, он ответил:

– Родители считают себя виноватыми перед тобой.

Алиса закатила глаза. Объяснение казалось шитым белыми нитками:

– Не они же посадили меня пьяной в машину, и толкнули на встречу, под колеса другой машины.

– Не они, – не глядя в глаза согласился Даниил, и осторожно, словно каждое слово было шагом по минному полю, добавил: – Но Эрмина Кареновна и Николай Александрович считают себя виноватыми в том, что ты оказалась в той машине пьяной. Им кажется, что их решения привели к таким последствиям. Если бы не выбор, сделанный ими, все могло бы сложиться по-другому.

– Какие решения? Какой выбор? – нахмурилась Алиса. Подозрения, что все куда сложнее, чем казалось изначально, превратились в твёрдую уверенность.

Даниил молчал довольно долго, и Алиса уже начала бояться, что он так ничего и не скажет. Но все же не стала то-

ропить. Ему нужно время, чтобы оформить мысли в слова. И проявленное терпение себя оправдало:

– Анаит, не скрою, я надеялся, что до этого разговора не дойдёт. Но раз эта тема всплыла, скрывать правду я тоже не стану. Между нами не будет лжи. Не в этот раз.

Алиса напряглась от слов «не в этот раз». И чуть не спросила: «А в прошлый раз без этого не обошлось?». Даниил опередил её, заговорив первым:

– Мы с тобой поженились не потому, что любили друг друга, а потому, что я и твой отец об этом договорились. Наш брак – деловая сделка и не более, – сухо рассказал он. Никаких попыток смягчить удар. Только голые факты. – Мои родители эмигрировали в Чехию из России. Там мой отец построил гостиничный бизнес, а я, когда перенял бразды правления на себя, существенно его расширил и начал разработку новых направлений. Наши филиалы появились во многих странах – Болгария, Венгрия, Россия, Польша. Но мы так и не смогли закрепиться в Малави. Это большая и богатая страна, но здесь многое решается благодаря родственным связям. Мой отец несколько раз пытался открыть тут отель, но его душили конкуренты. Поэтому я согласился на брак, ведь мне очень нужны связи твоей семьи.

– Так... ты на самом деле никогда меня не любил? – Алиса понимала, что не имеет права осуждать за события тех дней, или испытывать негативные эмоции, но почему-то ей было больно слышать эти слова. – Мы были несчастны?

Даниил крепче сжал её руки и заговорил куда эмоциональнее, чем прежде:

– Наша свадьба состоялась по договоренности, и все стороны были довольны: я смог занять новую нишу и расширить бизнес, который все еще развивается; твой отец нашел дочери богатого мужа, а у тебя появилось все, чего ты только хотела. Я оплачивал любые твои капризы, позволял жить так, как ты не жила до замужества... – немного помолчав, он тяжело вздохнул и признался: – Я прощал все измены, ведь ты не любила меня. Но я этого и не требовал. Мне хватало того, что ты не выставляла меня рогоносцем абсолютно открыто, и делала вид, будто мы счастливы в браке. Ты добросовестно выполняла свои обязанности в нашем браке: сопровождала на приёмах, когда нужно, знакомила с нужными людьми, и со стороны все выглядело абсолютно естественно, ведь вы знакомы с детства.

Он перевёл дух и продолжил:

– Я не заметил, как влюбился. Просто однажды осознал, что люблю собственную жену, на которой женился по расчету. Но ты меня не любила. Я начал ухаживать, приглашать на свидания и отчаянно надеялся, что из вранья, на котором построен наш брак, появится что-то настоящее. Но произошла авария. Ты два года пролежала в коме, и никто уже не надеялся на положительный исход. Много раз у меня почти опускались руки. Трудно бороться за тебя со всеми. Но я нахожил в себе силы не сдаваться – искал новые методики ле-

чения, лучших врачей, адвокатов, просил небо вернуть тебя, и дал клятву, что если ты очнешься, то все изменится. Никакого вранья и лжи. Либо ты полюбишь меня, и мы будем счастливы, либо я отпущу тебя. Но мы больше не будем жить так, как жили до аварии.

Алиса смотрела на Даниила, не в состоянии найти хотя бы междометия в ответ на это признание. Мысли в голове водили адский хоровод, и ухватиться за одну никак не получалось. Алиса думала о родителях, которые выдали дочь замуж по расчету; о Нике и о том, смогла бы так с нею поступить; о Данииле и Анаит.

Внезапно её как громом поразила одна единственная мысль. Она вспыхнула как костер, пока свет остальных мыслей больше напоминал пламя свечей, поэтому Алиса смогла сосредоточиться на ней. Точнее, на вопросе, который нужно задать:

– Но ведь я не она, – осторожно сказала Алиса, – не та женщина, которую ты любишь, и уже никогда ею не буду. За что бы ты не полюбил ту Анаит, это уже никогда не вернется.

Даниил на мгновение посмотрел в сторону, затем твердо сказал:

– Знаю, и принимаю это. Но не думай, что я от тебя отказался. С каждым днем я все больше узнаю женщину, проснувшуюся после двухлетнего сна, и она мне все больше нравится. Я вижу в тебе некоторые черты, за которые полюбил тогда: при всей легкомысленности, ты остаешься целе-

устремленной и умеешь добиться желаемого, чего бы это не стоило. Например, борешься с собственным телом за контроль и не сдаешься. Ты никогда не падала духом, и справляешься с полной потерей личности куда лучше, чем многие из тех, кто был на твоём месте. Это не мое предвзятое мнение, даже Яблочков об этом говорил. Мы ждали психозов, нервных срывов, истерик и даже асоциального поведения. Такая реакция психики была бы нормальной в данных обстоятельствах. Но ты, – тут он поцеловал каждую её руку, словно благодарил, – такая молодец! Держишься, работаешь над собой, своими эмоциями и даже развиваешься! Ты прежняя, и в то же время, в тебе появилось много нового поражающего, удивляющего и увлекающего. Все, кто тебя знал видят перемены! Ты начала читать книги, интересуешься новостями, аналитикой. Стала добрее, мягче и спокойнее. Раньше в тебе было много экспрессии и даже агрессии. Ты ни во что не ставила слуг. А сейчас? Медсестры и врачи относятся к тебе очень хорошо!

Даниил снова поочередно поцеловал ей руки:

– Мне очень нравится женщина, с которой я сейчас провожу время. Я не хотел бы ничего менять в тебе. Ты идеальна, – искренне сказал он, и Алиса могла расплакаться от осознания того, что можно хоть с кем-то не притворяться Анаит, что хоть кому-то пришлась по душе Алиса.

И когда Даниил наклонился, чтобы поцеловать её, не отстранилась. Она уже давно прониклась к нему симпатией,

и была благодарна за все, что он для неё сделал, за то, что воспринимал такой, какая есть, за возможность не быть одинокой. Алиса осознавала, что для Даниила поцелуй значит нечто другое, то, чего пока не могла ему дать. Но так нуждалась в его силе и поддержке, что не собиралась разубеждать.

Трудно быть одной против целого мира, постоянно играть роль. С Даниилом можно хотя бы на время стать собой. Он – гавань, в которую будет заплывать её корабль после шторма.

ГЛАВА 6

Эрмина Кареновна пришла в гости на следующий же день. Алиса могла дать руку на отсечение – без Даниила тут не обошлось. Вот такой он человек – стоит сказать о том, что чего-то хочется, и планеты выстроятся в одну линию, если нужно, но желаемое окажется у неё.

Алиса наблюдала за Эрминой Кареновной из окна палаты, пока та разговаривала с Яблочковым. Мать Анаит выглядела немного осунувшейся, словно всю ночь не спала, и подавленной, но старалась держаться бодро. Темно-синее платье только подчеркивало нездоровый, почти серый цвет кожи. А ещё женщина будто постарела на несколько лет за прошедший месяц.

Наблюдая за разговором, Алиса впервые задалась вопросом: а правильно ли поступила, заставив бедную женщину прийти? Видно же, что для Эрмины Кареновной все происходящее дополнительный стресс. Каково ей сейчас? Идти на встречу к дочери, которая может на всю жизнь остаться калекой. Но даже если и не останется, то точно никогда не будет сама собой. Каково так жить? Каждый день просыпаться с мыслью, что все случилось по её вине?

У Алисы не каменное сердце, и все же отступать поздно. Эрмина Кареновна выслушала Яблочкова, и нетвёрдым шагом подошла к палате, выглядя и радостной, и встре-

воженной, и измождённой одновременно. Алиса некстати вспомнила, что выглядела так же, когда у Ники начали резаться зубки. В те дни детская буквально превратилась в филиал ада на земле! Поднялась температура, пропал аппетит. Ника постоянно плакала и очень плохо засыпала. Алиса делала все, что могла, чтобы облегчить состояние дочери – купила много игрушек, которые можно жевать, помогая десне прорезаться, мазала мазью, чтобы снять болевой синдром, давала жаропонижающее и постоянно находилась рядом. Отчасти это помогало, но чаще только забывшись беспокойным сном Ника успокаивалась. Иногда Алиса не в состоянии успокоить дочь или как-то помочь ей, просто сидела рядом и плакала рядом. К счастью, первый зубик прорезался меньше чем за неделю. Второй тоже резался дня четыре. А остальные три уже лезли легче.

Воспоминания о Нике встряхнули Алису и убили всякие сомнения. Жалость к другой матери, потерявшей дочь, не должна перевешивать желание отомстить за смерть собственной. Необходимо поговорить с Эрминой Кареновной, значит, разговор состоится.

«Не смерть! – тут же поправила себя Алиса. – Убийство!». Нельзя об этом забывать. Дочь Эрмины Каерновны умерла по собственной глупости, а Нике не дали шанса выбирать свою судьбу. И возмездие должно настичь каждого виновного.

Робко постучавшись, Эрмина Кареновна вошла в палату.

Алиса сидела в кресле-каталке возле столика, за которым обычно ужинала с Даниилом. Воспоминания о Нике разбредили старую рану, и сейчас Алиса невольно разнервничалась. Плохое состояние для дружественной встречи. Глубоко вдохнув, она постаралась расслабиться. Но видимо получилось плохо. Едва взглянув на предполагаемо дочь, Эрмина Кареновна замерла у порога, и пробормотав:

– Я знала, что ты будешь мне не рада... – попыталась уйти.

– Нет-нет! Не уходите! – встрепенулась Алиса и, если бы могла, то вскочила на ноги и схватила за руку, чтобы удержать. Но смогла только сложить руки в молитвенном жесте и попросить: – Пожалуйста!

Эрмина Кареновна остановилась, нерешительно постояла, но все же вошла. Ей было заметно не по себе от встречи один на один. И Алиса не знала, что сказать или сделать, чтобы уменьшить напряжение между ними.

– Здравствуйте, – неловко начала беседу она. – Я вам очень рада. Правда.

– И я очень рада тебя видеть, – ответила Эрмина Кареновна, теребя ремешок сумочки и поглядывая на дверь.

Алиса поняла, что, если ничего не сделать, она уйдет, как только появится благовидный предлог. План «А» состоял в медленном, деликатном налаживании контакта. Но Эрмина Кареновна слишком взволнована и взвинчена, чтобы постепенно открыться. Значит, пора переходить к плану «Б» то есть к встряске.

– Знаете, я только сейчас поняла, что мы впервые оказались наедине, – заметила Алиса, и Эрмина Кареновна вздрогнула от того, как громко прозвучали эти слова в тишине палаты. Не давая новой маме времени собраться с мыслями, Алиса спросила: – Почему вы так долго не приходили?

– Ну... – прочистив горло, Эрмина начала говорить речь, явно заученную и тщательно отрепетированную: – ты занята процедурами, поправляешься. Мы не хотели отвлекать...

– Неправда!

Алиса сознательно выбивала почву у неё из-под ног. Так делал отец, когда хотел узнать правду или добиться чьей-то лояльности. Если человек нервничает или попадает в ситуацию, ему труднее сосредоточиться на лжи или на линии поведения, которой придерживался изначально. А если получится вызвать растерянность или вину, то им становится легче манипулировать.

– Если бы вы переживали о том, как я поправляюсь, то приходили бы в больницу каждый день, как Даниил. Но вы бросили меня здесь, отвернулись. Как будто я вам больше не дочь, и вы меня уже не любите.

Лицо Эрмины Кареновны стало бледнее простыней, на которых спала Алиса:

– Как ты можешь так говорить! – дрожащим голосом воскликнула она. – Мы очень тебя любим! Ты же наша любимая девочка!

Алиса испугалась, что если продолжать в том же духе, то

бедную женщину хватит удар, но не сбавила оборотов:

– Тогда почему я прохожу через все это одна? Как будто у меня нет семьи! Я никого из вас не помню, не знаю, как жила раньше, чем дышала. И никто не может мне ничего объяснить! Кого мне спрашивать о детстве? Даниила?

Эрмина Кареновна пристыженно опустила голову, хотя в её позе ощущалось несогласие с обвинениями.

– Вы, моя семья, бросили меня здесь, словно не рады, что я вообще очнулась, – безжалостно продолжила Алиса. – Я не помню родителей, даже не могу сказать, что люблю вас. Вся прежняя жизнь превратилась в огромную дыру, которую просто нечем заполнить. Всему приходится учиться заново. А вы мне не помогаете. Почему? Потому, что когда-то заставили меня выйти замуж за Даниила?

Конечно, со стороны Алисы жестоко задавать вопрос вот так прямо, не давая бедной женщине подготовиться. Но так нужно. Жаль Эрмину Кареновну, жаль, что приходилось играть на её чувстве вины. Но Нику жаль больше.

– Я знаю, про то, на каких условиях вышла замуж, – продолжила Алиса, видя, что мать Анаит не находит слов, чтобы ответить. – Даниил все рассказал без утайки. Он откровенен во всем. И хочу, чтобы вы знали, что не виню вас ни в чем из того, что случилось, и вы не должны винить себя.

Эрмина Кареновна затряслась в беззвучных рыданиях, затем упала на колени перед Алисой и принялась целовать ей руки:

– Милая моя... – периодически всхлипывала женщина. – ... прости меня... прости нас... прости за все...

– Встаньте, встаньте, Эрмина! – кажется, Алиса переборщила и теперь корила себя за то, что не успела вовремя притормозить, и недооценила степень чувства вины у родителей Анаит. – Пожалуйста, встаньте! Вы ни в чем не виноваты!

С горем пополам Эрмину Кареновну все же удалось уговорить успокоиться. Но бедная женщина так и не отпустила её руку. Как будто боялась, что все не по-настоящему, что если отпустить ладонь, взаимопонимание с дочкой и облегчение растают, как сон.

– Прости нас за то, что мы не приходили, – судорожно вздыхая, просила Эрмина. – Мы не знали, как вести себя, как смотреть тебе в глаза после всего, что случилось. Отцу не стоило соглашаться на ваш брак. Но тогда наша фирма переживала плохие времена. Кризис никого не пожалел. И деньги Даниила нас буквально спасли...

– Не нужно оправдываться, – покачала головой Алиса. – Вы поступили так, как поступили, потому, что в тот момент нуждались в любой помощи. От того, что вы будете себя истязать, ничего не изменится. Каким бы путем мы сюда не пришли, но сейчас оказались именно в этом месте. И нам остается лишь думать, как жить дальше, чтобы не допускать подобных ошибок впредь.

Эрмина Кареновна тепло, по-матерински улыбнулась и с гордостью в голосе сказала, поглаживая ей руку:

– Какая ты стала! Умница моя! Говоришь такие правильные, мудрые вещи.

– А какой я была раньше? – Алиса решила воспользоваться словоохотливостью Эрмины.

Та посмотрела в сторону и мягко улыбнулась, вспоминая.

– Ты росла очень живым, непостоянным ребенком. Ни на чем не могла сосредоточиться и ничем не интересовалась дольше двух минут. Игрушки быстро надоедали, платья тоже. Ты часто капризничала, но росла не злыдней. Однажды принесла с улицы только что родившегося котенка, и потом несколько дней выхаживала. Где ты его только нашла? Гувернантка божилась, что глаз с тебя не спускала и на улицу не выводила. Ну, а когда котенок поправился, мы вас обоих лечили от блох и глистов.

Алиса невольно рассмеялась – таким забавным показался рассказ.

– Кажется, я росла себе на уме, – сказала она, все ещё улыбаясь.

Эрмина кивнула, продолжая поглаживать её руку:

– Мы в тебе души не чаяли. Вот и избаловали.

– А в какой школе я училась?

– В разных, – слегка повела плечом Эрмина. – Всего за раз и не перечислишь. Ты была...

Видя, что мать Анаит замялась, не зная, как по деликатнее сказать то, что будет неприятно слышать дочери, Алиса подсказала:

– ... избалованной?

Эрмина смущенно и благодарно улыбнулась:

– Именно. Ты могла за семестр сменить несколько школ.

Или вообще закончить год на домашнем обучении.

Звучало не очень обнадеживающе. Алиса надеялась, что в прошлом Анаит найдутся люди, способные помочь расправиться с Рыжовым и остальными. Но если даже друзей детства нет, то среди кого искать помощь?

– А университет? – с надеждой спросила Алиса. Друзей можно завести и в более сознательном возрасте и университет вполне подходящее место. У Алисы, например, много друзей среди бывших одногруппников и одноклассников. Впрочем, она и не меняла школы как перчатки.

– Ну, милая, – вздохнула Эрмина Кареновна, – ты никогда не любила учиться. У тебя есть диплом искусствоведа, но откровенно говоря, ты ничего в нем не смыслишь. Ты приходила в университет покрасоваться новыми нарядами, прическами, машинами. И сделать фото.

– Понятно, – разочарованно протянула Алиса. Судя по всему, тут помощи искать негде.

Внезапно её осенило! Возможно, помощь можно получить не от друзей Анаит, а от друзей семьи Андриановых? А насколько большая эта семья? Можно ли их использовать?

– А что насчет нашей семьи? – начала она издалека.

– Что ты имеешь в виду? – слегка нахмурившись, переспросила Эрмина Кареновна.

Алиса постаралась конкретизировать:

– У меня есть братья или сестры? Дяди или тети? Если есть, то сколько их? Где живут, кем работают? Что за люди?

Эрмина Кареновна снова улыбнулась:

– Ты даже не представляешь, насколько большая у тебя семья! Месяца не хватит, чтобы обо всех рассказать!

Алиса не дала шанса отступить:

– А мы начнем с малого. И будем продвигаться постепенно. Каждый день понемногу.

– Так и сделаем! – с дрожью в голосе пообещала Эрмина Кареновна и обняла Алису. В этот раз всхлипываний и вздрагиваний не было, но Алиса все равно почувствовала, каким мокрым стало плечо.

Эрмина Кареновна казалась полной любви, тепла и ласки, и наверняка была замечательной матерью для Анаит. Полная противоположность родной матери Алисы. Она никогда не улыбалась, не обнимала и не говорила о том, что любит Алису. В памяти всплыл образ холодной, требовательной и всегда недовольной женщины. Чтобы дочь не делала, каких бы успехов не достигала – мать не бывала довольной. Для неё не существовало метода кнута и пряника, только кнут.

Наверняка Эрмина Кареновна обрадовалась бы рождению внучки, и не запрещала называть себя бабушкой.

Интересно, какие они, братья и сестры Анаит? Похожи на Михаила?

Вряд ли. У любящих родителей, коими казались Адриа-

новы, не могли вырасти такие дети, как Михаил – двуличные, подлые, бессердечные. Ничего не ценящие, никого не любящие. Для него все вокруг просто ресурсы, которые можно использовать, или избавиться, за ненадобностью.

Ей вспомнился визит к брату после его назначения на должность генерального директора УхаровКорп. Алису попросили подождать в приемной, потому, что у Михаила незапланированная встреча с главами отдела.

В тот момент она подумала, что брат взялся за дело всерьез, и даже испытала гордость за него. Какая сильная, негибкая личность! Такой лидер сможет вывести компанию из крутого пике, в которое её отправил отец.

Михаил не только поставит компанию на ноги, но и поможет сотрудникам компании снова быть уверенным в будущем. Отец частенько говорил, что о состоянии компании можно судить по тому, как живет рядовым сотрудникам. Если они получают прибавки и премии, ходят на работу с радостью, стремятся к покорению новых вершин и стоят за родное предприятие горой – то компания чувствует себя более чем хорошо. Если живут от зарплаты до зарплаты, то предприятие едва держится на плаву.

Сейчас, конечно, ни о каких прибавках не может быть и речи. Для начала Михаилу нужно разработать план выхода из кризиса. Потом будет этап стабилизации. И

уже после, когда компания будет показывать стабильный рост, можно будет начинать постепенно возвращать прежний уровень премирования.

Так Алиса размышляла, сидя в прихожей, пока не услышала шум за дверью нового кабинета Михаила. Там ругались и ссорились, крики были такие, что она невольно испугалась, что вот сейчас там начнется драка!

Неужели так эмоционально обсуждают стратегию выхода из кризиса?

Дверь резко распахнулась, как от пинка, и оттуда выбежало сразу четыре мужчины. Каждого Алиса хорошо знала – отец частенько приглашал их домой на ужин, когда дела компании шли хорошо. Первым выбежал Крутин Мадлен Ростиславович – глава технологического отдела. Его круглое лицо, с сеткой из мелких полопавшихся капилляров, блестело в свете люминесцентных ламп. За ним бежал такой же тучный начальник финансового отдела – Ханипов Ионос Тихонович. Он тяжело дышал, и по его лицу бежали крупные дорожки пота. Следом шел глава службы безопасности, который к старости наоборот сильно похудел и теперь кожа у него на лице висела, как у бульдога. А круги под глазами только усиливали сходство. Замыкал шествие разгневанных мужчин один из заместителей отца – Живенков Родион Янович. Алисе он никогда особо не нравился, главным образом из-за того, что у мужчины дико воняло изо рта.

Они напоминали море в шторм – от них так и исходили волны гнева и даже ярости. Алиса не решилась с кем-либо поздороваться.

Внезапно Мадлен Ростиславович остановился, резко повернулся в сторону кабинета Михаила, и пригрозил кулаком:

– Я отдал компании двадцать лет жизни! Вы не можете меня просто вышвырнуть!

Естественно, ему никто ничего не ответил. Мужчины прошли мимо, даже не поздоровавшись – настолько были заняты планами по переманиванию совета директоров на свою сторону, перечислением заслуг перед компанией и планами по свержению Михаила. Хотя в прежние времена при каждой встрече расспрашивали как у неё дела и как здоровье.

Войдя в кабинет брата, Алиса спросила:

– Что случилось? О чем кричал Мадлен Ростиславович?

– Я его уволил, – Михаил выглядел довольным собой.

– Как? – ошарашенно переспросила Алиса и села в кресло для посетителей, едва не промахнувшись. Её не столько шокировали слова брата, сколько то, как они были произнесены; как легко, даже с радостью, он избавился от людей, с которыми рос бок о бок, которые, фактически, научили его всему, что знает.

– За несоответствие занимаемой должности, – отве-

тил Михаил, начиная раскладывать разбросанные документы по местам.

– Но это же Мадлен Ростиславович! Правая рука отца! Он помогал строить УхаровКорп! – не могла смириться Алиса. В увольнение Мадлена Ростиславовича невозможно поверить. Более преданного сотрудника и друга семьи трудно бы найти. Его увольнение казалось чем-то вроде... смерти близкого родственника.

– Перестань! – скривился от недовольства Михаил. – Ты говоришь так, словно произошла трагедия. Старик давным-давно потерял хватку. У него нет ни идей, ни знаний, чтобы вытащить УхаровКорп из кризиса. Я тебе даже больше скажу – именно он, на пару с нашим драгоценным папочкой и загнали компанию в долги.

– Но если бы не Мадлен Ростиславович и подобные ему сотрудники, УхаровКорп вообще не существовало бы! Нельзя его просто уволить! – настаивала Алиса, пытаюсь достучаться до сердца брата. – Он вложил столько сил, здоровья, лет! Он все тут знает...

– Алиса, хватит, – снова скривился Михаил. – Мне все надоело. Мадлен Ростиславович, прежде всего, наемный сотрудник. А незаменимых сотрудников не бывает.

Интересно, кем он заменил Алису и Нику?

Алиса покрепче обняла Эрмину Кареновну и сказала:

– Я приложу все усилия, чтобы ничего больше не как прежде.

ГЛАВА 7

Любопытно, как порой неправильно исполняются желания. Алиса хотела, чтобы Эрмина Кареновна познакомила её с родственниками и друзьями Анаит, и та с энтузиазмом взялась за дело. Началось каждодневное паломничество совершенно незнакомых людей, считающих своим долгом поделиться забавной историей о том, как они вместе учились несколько недель, или занимались в одном клубе жокеев, или ходили на шопинг или даже просто ели песок в песочнице.

Алиса вежливо кивала, смеялась, пыталась изображать вовлеченность, но неизменно переводила все разговоры на личность нового знакомого. Она надеялась получить ценную информацию, или извлечь пользу из знакомства. Но круг общения Анаит был настолько же бестолков, насколько и вся жизнь в целом. Одни сплошные прожигатели жизни и денег отца, мужа или жены.

Больше месяца вылетели в трубу. Вместо того, чтобы собирать информацию на Рыжова, в поисках места, через которое можно ударить, Алиса тратила время на людей, один другого глупее и бесполезнее.

Хотя нет худа без добра. Если раньше занятия казались каторгой, то сейчас Алиса всем сердцем их любила. Пока разрабатывала мышцы, сгоняла весь негатив и стресс, скопившиеся за день.

И тренировки шли впрок.

Не далее, как вчера, Алиса с гордостью продемонстрировала Даниилу, как самостоятельно встала на ноги и даже несколько секунд простояла. Он был так поражен, что едва не расплакался от счастья!

Радость Алисы от того, что она на шаг приблизилась к цели снова ходить, не смогла перевесить разочарование от того, что ни на шаг не приблизилась к цели отомстить за смерть Ники.

Иногда, в водовороте повседневных дел, внезапно непрощенными гостями появлялись мысли о том, какими будничными стали мысли о смерти и мести. Несколько месяцев назад первая мысль по пробуждении и последняя перед сном были о мести. А сейчас в голове мелькали мысли про то, что неплохо бы постричься, как же надоела больничная еда или про то, как до смерти хочется принять полноценную ванну, полежать там полчаса, расслабиться.

Все чаще возле Даниила, Алиса ловила себя на мечтах о будущем, о том, как могла бы жить дальше, после мести. Ловила, и гнала такие мысли подальше. Из-за них решимость идти до конца слабела. Уют, комфорт, любовь, которыми окружал Даниил, были той водой, которая точила камень из ненависти, боли, желания мстить. Приходилось снова и снова напоминать себе, что Даниил – муж Анаит, что он любит другую женщину. Так любит, что смирился с полной смелой личности и вновь научился любить. Приходилось напо-

минать себе, что она не Анаит и никогда ею не будет. Пусть и заняла её место.

Каждое утро, глядя на себя в зеркало, Алиса убеждала себя:

– Этот день все изменит! Сегодня мне повезет!

Только для того, чтобы ничего не изменилось.

Тогда перед сном, вместо молитвы она повторяла снова и снова, пока не засыпала:

– Завтра мне повезет. Завтра я найду способ сделать первый шаг.

И снова ничего не происходило.

Удача улыбнулась ей в тот день, когда проснувшись утром, она не стала заниматься самовнушением.

Вместо Эрмины Кареновны в палату заглянул старший брат Анаит – Эрнест. Алиса видела его только один раз, впрочем, как и остальную семью, и знала только то, что он второй по старшинству среди детей Андриановых и занят госслужбой.

Сюрпризом стало то, что Эрнест пришел не один. Его сопровождал высокий и настолько плотный незнакомец, что уже практически можно бы называться толстяком.

Второй гость заметно нервничал, и вошел в палату, переминаясь с ноги на ногу. Его круглое лицо казалось на удивление знакомым. Словно они уже виделись. Но где и когда? Если бы он был из знакомых Алисы, то она точно вспомнила бы, а к знакомым Анаит таких чувств быть не могло в прин-

ципе.

Здесь что-то происходило. Но что именно?

– Привет, – Эрнест вошел в палату так легко, словно домой вернулся, и так же легко поздоровался. Хотя они с Алисой по сути были чужими людьми.

– Здравствуйте, – неловко поздоровался незнакомец, отчаянно сжимая ручку портфеля.

– Здравствуйте, – поздоровалась Алиса с обоими мужчинами сразу.

– Анаит, знакомься, – сообразил, наконец, представить их друг другу Эрнест, – Артур Нестеров, Артур – Анаит Андрианова.

– Очень приятно, – привычно улыбнулась Алиса и подала толстячку руку для пожатия. Тот с благодарностью вцепился в неё, словно боялся, что, услышав с кем имеет дело, она прогонит его внаше. Такое поведение настораживало, и стараясь выглядеть легкомысленной и радушной, Алиса поправила брата и спросила: – Сейчас я Князева. Чем обязана вашему визиту?

– Я... – начал толстяк, но Эрнест перебил:

– Мама просила проведать тебя, а Артур просто был со мной, – и не давая сосредоточиться на толстяке, переключил внимание на другую тему: – Как ты себя чувствуешь? Что нового?

Алиса решила подыграть ему и посмотреть, что из этого получится:

– Я научилась самостоятельно вставать с кресла, и даже могу несколько секунд простоять.

– Потрясающе! – искренне обрадовался Эрнест, хоть Алиса и не могла отделаться от ощущения, что что-то тут не так.

– Поздравляю, – промямлил толстяк, который выглядел так, словно сейчас грохнется в обморок.

– Спасибо, – пробормотала Алиса, наблюдая за тем, как он то краснеет, то бледнеет. Вот Артур дрожащей рукой достал из кармана платок, и начал вытирать сильно вспотевшее лицо.

– А как твоя память? – снова переключил внимание на себя Эрнест.

– По-прежнему нет надежды, что восстановится, – рассеяно пробормотала Алиса и спросила толстяка: – С вами все в порядке? Позвать медсестру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.